

авантюрная
мелодрама

АНТОН ЛЕОНТЬЕВ

ТРУДНО
БЫТЬ СОЛНЦЕМ

ПРОШЛОЕ НАПОМНИТ О СЕБЕ, ДАЖЕ ЕСЛИ ТЫ ОЧЕНЬ ХОЧЕШЬ ЗАБЫТЬ...



АНТОН ЛЕОНТЬЕВ

Трудно быть солнцем

«ЭКСМО»

2004

Леонтьев А. В.

Трудно быть солнцем / А. В. Леонтьев — «Эксмо», 2004

Получив странное анонимное письмо, приглашающее ее в провинциальный городок Староникольск, Юля почти не удивилась, ведь именно там в начале прошлого века таинственно исчезла Юлина прабабка, знаменитая актриса немого кино Анна Радзивилл. Разбирая семейный архив, Юля узнала, что сто лет назад на Староникольск навел ужас таинственный убийца по прозвищу Садовник, одной из жертв которого, по слухам, и стала Анна. Убийства, копирующие преступления Садовника, возобновились, когда в городе появилась Юля. И девушка сразу оказалась втянутой в загадочные и страшные события прошлого и настоящего...

© Леонтьев А. В., 2004

© Эксмо, 2004

Содержание

24 сентября	5
29 июля	6
30 июля	15
1 августа	17
5 августа	23
7 августа	30
10 августа	33
11 августа	37
12 августа	44
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Антон Леонтьев

Трудно быть солнцем

24 сентября

Плети дождя хлестали по витражному стеклу, затем послышался мерный грохот – белоснежные жемчужины града обрушились на старинный Староникольский монастырь.

Юлия, чувствуя, что слабость разлилась по телу, опустилась в старинное кресло. Она вслушивалась в утробно-низкое гудение ветра. За окном царила непроглядная тьма. Вот он, ураган...

Теперь-то она знала, кто является безжалостным Садовником, который душил женщин тогда, в 1916 году. Она знала, кто копировал его преступления сейчас. Но это знание пугало ее.

Эта книга в темно-синем сафьяновом переплете – ключ ко всему. И эта книга лежала у нее на коленях.

Юлия захотела подняться с кресла, но не смогла. За дверью раздались тихие шаги. Юлия поняла – это шаги смерти.

Ее смерти.

Садовник здесь. Он пришел за розой. За последним цветком.

И этим цветком была она!

Кованая дверь, издав пронзительный вскрик, как душа грешника в аду, медленно раскрылась.

На пороге стояла фигура в черном плаще до пят с капюшоном, закрывавшим лицо, в садовых перчатках на руках. Вот он, Садовник, загубивший столько жизней. И в этот раз он пришел за ней.

– Юлия, ты же получила вчера мое послание: «Завтра ты умрешь». Завтра наступило. И ты умрешь! Сейчас!

29 июля

Часы гулко пробили половину одиннадцатого. Так же гулко стучало сердце Юлии, таким же раскатистым эхом отдавались в висках слова, которые только что произнес Виталий:

– Я думаю, нам надо поговорить, Юля...

Она и сама прекрасно понимала, что разговора, тяжелого и, скорее всего, последнего, им не избежать. Виталий... С ним она познакомилась почти год назад. В течение этого года было все – равнодушие, первое пьянящее чувство, перешедшее в страсть, снова равнодушие. И вот теперь...

Неужели этот год пролетел так быстро? Юлия не могла поверить. Сегодня ей исполнилось двадцать восемь.

Виталий занимал пост директора одной крупной строительной фирмы, у него была жена и ребенок. Юлия давно терзалась вопросом – а что дальше? Как дипломированный психолог, она понимала, что боится ответа на этот вопрос, поэтому-то и не заводит с Виталием разговор. Она боится того, что он скажет ей.

Скажет, что им пора расстаться. В течение последних месяцев неприятности сыпались на Юлию, как будто кто-то решил наказать ее за грехи прошлой жизни. Сначала сменилось начальство в институте, где она работала. Новое руководство сразу же заявило, что некоторым придется в ближайшем будущем расстаться с рабочим местом. И, судя по упорно курсировавшим слухам, в черных списках была и ее фамилия. Юлия не могла понять – почему? Но институт-то частный, поэтому сопротивление бесполезно.

Ее статья по подростковым психозам, над которой она работала почти два месяца, была отклонена редакцией журнала с унижительной формулировкой «черновой материал». Как же так, она старалась, а получается, что ей как девчонке указывают на якобы грубые недоработки. Или все дело в том, что главный редактор толстого журнала по психологии лучший друг нового директора института?

Или ей лучше было тогда согласиться? Новый директор, достаточно молодой, но с уже объемистым брюшком и еще более крупными амбициями, свежее испеченный доктор наук, вызвал ее через пару дней после своего прихода к себе в кабинет. Он хотел поближе познакомиться с каждым из сотрудников. «Поближе» в его понимании означало – постель. Он был достаточно умен, чтобы напрямую не предложить Юлии провести с ним уик-энд у него на даче, однако она видела, как его масляные глаза обшаривают ее тело. Ей так и хотелось дать ему пощечину, а пришлось, подогнув ноги на неудобном низком кресле, улыбаться, выслушивать пустопорожные разглагольствования директора и его намеки на то, что удержаться на престижном месте и сделать карьеру ей поможет только его покровительство.

Как она потом узнала, фирменным приемом нового директора было усаживать пригласившихся сотрудниц с низкое кресло, так, чтобы они были вынуждены скрючиться и волея-неволей расположиться во фривольной позе.

– Юля, ну вы же понимаете, – он навис над ней, а его рука легла ей на плечо. – Вы молоды, работаете отлично, блестяще защитили кандидатскую. Наш институт, как вы знаете, представляет интерес для всех, начиная от правительственных структур и заканчивая богатыми меценатами и зарубежными фондами.

Юлия была в курсе. В институт, где она работала в качестве доцента, стремились попасть почти все выпускники вуза с дипломом психолога. В отличие от других заведений, тут платили много и существовала возможность быстро сделать себе карьеру и имя в науке.

– Я думаю, мы сработаемся, – произнес директор.

– Мне кажется, что нет, – в тон ему ответила Юля.

Она и сама не понимала, с чего это вдруг решила обострить отношения с новым начальником. Скорее всего, потому, что хотела сразу же возвести стену между ним с его притязаниями и собой.

Директор, натужно улыбнувшись, произнес:

– Ну-ну, Крестинина, можете быть свободны.

С этого все и началось. Потом последовало уже открытое предложение поработать над статьей у него дома. Причем секретарша, болтливая особа, от которой ничего нельзя было утаить, сказала Юлии, что супруга директора только что укатила в Америку на три месяца и он чувствует себя, как уголовник, вышедший на волю после десяти лет строгого режима.

Юлия отказала, причем сделала это в присутствии той же секретарши, которая моментально улетучилась из директорского кабинета. А через час весь институт знал, что Юлия Крестинина подписала себе смертный приговор, сказав твердое «нет» начальнику.

– Зря ты это сделала, – пеняла ей потом одна из подруг. – Конечно, он мерзавец, пользуется тем, что все от него зависит, но ведь тебе надо потерпеть всего недельку-другую. Он же бабник, волочит за каждой юбкой. Жена держит его в ежовых рукавицах, он боится ее до смерти. Поэтому и все связи у него краткосрочные. Зато подумай – карьера тебе обеспечена, и над докторской пора задуматься. А еще учти, в следующем году грядут выборы заведующего кафедрой, это лакомое местечко. Да и гранты пришли на сто тысяч долларов, хорошо бы получить...

Юлия, давно не будучи наивной простушкой, была в курсе того, кто отправляется в зарубежные командировки и получает теплые места в институте. Ей было противно, если не сказать омерзительно, продаваться облеченному властью борову. Нет, что он с ней сделает?

Не прошло и месяца, как Юлия в полной мере ощутила на себе все прелести опалы. Ее статью зарубили, ее имя значилось в тайных черных списках, ее проект, представленный на получение гранта от Нью-Йоркского университета, был в пух и прах раскритикован и признан едва ли не самым худшим.

Неприятности на работе и в личной жизни, как же она устала от всего этого! Юлия давно чувствовала, что ей пора отдохнуть, взять отпуск и скрыться от всех на три недели, лучше на месяц, но позволить себе этого она не могла.

С финансовой точки зрения она была обеспечена, ей помогали родители, оба геологи, которые уже пять лет работали по контракту в Южной Африке. Так как Юлия была их единственным ребенком, причем горячо любимым, то они не скупились на переводы. Благодаря этому – а совсем не достаточно большой зарплате в институте – она сумела купить небольшую, но вполне уютную квартиру в центре Москвы.

И вот теперь, что же хочет ей сказать Виталий? Неужели для того, чтобы расстаться, он выбрал именно ее день рождения?

Он появился с роскошным букетом бордовых роз, преподнес ей тонкую золотую цепочку, выполненную в виде змейки, кусающей собственный хвост, с крошечными изумрудами в качестве глаз. Юлия знала, что Виталий более чем обеспечен. Но ей не требовались деньги!

Когда она впервые увидела его, высокого, темноволосого, с потрясающей улыбкой, в гостях у одной из дальних родственниц, то сразу почувствовала притяжение к нему. Он ответил ей тем же. Меньше чем через неделю они были вместе, затем последовали упоительные дни в его, как он выражался, загородном поместье. Именно там, случайно, она и обнаружила фотографии, запрятанные на самое дно ящика – Виталий, блондинка и рядом с ними мальчик семи лет.

Он не стал скрывать, что женат. Юлия, которой он раньше говорил, что не связан узами брака, едва не разорвала с ним отношения. Она терпеть не могла ложь.

Однако Виталий значил для нее многое. Она с ужасом почувствовала, что, похоже, влюблена в него. Он столько раз твердил ей, что она «его единственная девочка» и «любимая

мышка», а что получается? Она была для него не более чем любовницей. Сколько раз она разбирала чьи-то судьбы, скрытые в учебниках по психологии и научных трудах за безликими инициалами, сколько раз она сталкивалась на практике с любовным треугольником, и вот... Кто бы мог подумать, что она окажется любовницей женатого мужчины.

Вечерний ветер, душливо-жаркий и торопливый, тербил занавески, словно до них дотрагивались невидимые пальцы. Юлия, которая самым тщательным образом подбирала платье, меню и сервировку стола, чувствовала, что ее бросает то в жар, то в холод. И из-за кого, из-за Виталия! Она пыталась внушить себе, что разрыв отношений только к лучшему, но никак не могла убедить себя в искренности этих слов. Ей же больно, ей так больно...

– Юля, ты же все прекрасно понимаешь, – произнес он на одном дыхании, не глядя на нее и вертя пальцами пустой бокал, в котором еще недавно пенилось французское шампанское. – Понимаешь, что так больше продолжаться не может. Поэтому я решил все изменить.

– Ты делаешь мне предложение? – с некоторым сарказмом произнесла Юлия.

Виталий вздрогнул, затем, горько усмехнувшись, взял ее ладонь в свои руки:

– Юлечка, поверь, так будет лучше для всех нас. Я люблю тебя...

– Но жену и сына любишь еще больше, – закончила вместо него Крестинина.

Ну что же, все ясно. Золотая змейка, поблескивая изумрудными глазками, лежала на темно-синей скатерти. Это его прощальный подарок.

– Я не хочу расставаться с тобой, но я не могу ничего изменить, – сказал он. – Ты ведь это знаешь...

Юлия вздрогнула. Еще бы, все, как в учебнике по психологии для студентов второго курса. Он расстается с ней и пытается при этом сделать ее своей сообщницей.

– Нет, не знаю. И мне все равно. Виталик, не обижайся, если я попрошу тебя немедленно уйти.

Похоже, такое развитие событий его совсем не смущало. Еще бы, внизу, под окнами квартиры, его ждал «Мерседес». Дома, в шикарном особняке, который Виталий сам спроектировал, его ждали жена и ребенок.

А что ждало ее? Почему в этом году все идет наперекосяк? Она по гороскопу Лев, неужели в этом месяце все так ужасно для нее? Она практически безработная, брошенная любовником, впадающая в депрессию, стареющая.

Хотя... Кто сказала, что это именно так? Она сама! Все можно рассмотреть под совершенно иным углом зрения: молодая, уверенная в себе, чрезвычайно талантливая дама освобождается, наконец, от тяготящих ее отношений, радикально меняет направление деятельности и входит в новую, безусловно, самую удачную стадию своей жизни. И все это в день рождения!

Виталий, даже не пытаясь ее поцеловать, сказал:

– Юля, спасибо тебе, ты великолепная женщина... Мне нужно подумать. Точнее, нам нужно подумать, собраться с мыслями.

Дверь за ним затворилась неслышно. Значит, он действительно бросил ее. Иначе к чему эта якобы утешающая, а на самом деле унижительная фраза «нам нужно подумать»!

Юлия заметила, что ни она, ни Виталий не притронулись к еде. А ведь она так старалась. Да и спиртное все осталось, за исключением открытой бутылки шампанского.

– Поздравляю тебя, крошка, – произнесла она, смотрясь в большое зеркало. Отражение, державшее бокал, до краев наполненный шампанским, выглядело потрясающе. Что же, у господина директора института были все основания возжелать ее в качестве любовницы.

Юлия Крестинина, двадцати восьми лет. Высокая шатенка с правильными чертами лица, темно-зелеными глазами и стройной фигурой. Платье из темно-бордового шелка, которое она специально выбрала для сегодняшнего вечера, подчеркивало белизну ее кожи. Ну что же, недаром ее прабабка была в начале века знаменитой актрисой немого кино, а ее бабке то ли Воро-

шилов, то ли Буденный, плененный ее красотой, предложил прямо на банкете в Кремле стать его любовницей.

Что же, тяга к связям с женатыми мужчинами у нее в крови. Бабушка гордо отказалась. А вот прабабке не повезло – она была убита. Хотя это темная история, она просто исчезла в небольшом городишке, где шли съемки очередного фильма, незадолго до революции. Говорят, ее убил любовник-аристократ.

В их семье предпочитали не распространяться на эту тему. Когда-то это было просто опасно – заявить, что являешься родственницей дивы немого кино Анны Радзивилл, а теперь едва ли кто-то мог вспомнить это имя, гремевшее в начале двадцатого века наряду с именами Веры Холодной и других примадонн.

Юля, поздравив себя с днем рождения, отпила шампанское. Внезапно слезы покатались по ее лицу. Нет, ну почему Виталий выбрал для расставания именно этот день. И что делать дальше? Может быть, плюнуть на гордость и, как предлагают ее многочисленные подруги, потерпеть – отдаться господину новому директору? Нет, на это она никогда не пойдет. Лучше пусть ее уволят, чем она поступится своими принципами. Или, не дожидаясь увольнения, уйти самой? Но почему она должна покидать институт, работать в котором ей нравилось. Только из-за этого любвеобильного сморчка, который по чьей-то протекции занял место директора. Она не собирается этого делать! Ни за что! Это он должен покинуть институт, а не она.

Но что же тогда? Решение созрело в одну секунду. Конечно же, она отправится в отпуск. Тем более что заканчивался июль, работы было не так уж много. Как же ей хочется скрыться из Москвы, улететь куда-нибудь подальше, например, к океану, подставить нежным лучам солнца свое тело, расслабиться в его лазурных волнах.

Родители давно и настойчиво зазывали ее к себе в Южную Африку. Они обитали в большом коттедже недалеко от побережья, у них было два автомобиля и прислуга. Они могли себе это позволить, работая на крупнейшего монополиста в алмазной отрасли, концерн «Де Бирс».

Может быть, и правда принять их приглашение? Это, разумеется, не решит ее проблем, она по-прежнему останется в конфликте с начальством и в разладе с самой собой, но что поделаешь! Ей срочно требовался отдых, она это чувствовала.

Юля убрала праздничный стол, комната снова обрела прежний стандартный вид. Вот и все, Виталий не вернется, но это и к лучшему.

Она включила телевизор, было около полуночи, по всем программам шли или фильмы, выдаваемые за остросюжетные, или последние выпуски новостей. Юлю не интересовало ни то, ни другое. Она опустилась на диван, закрыла глаза. Хорошо помечтать, представить себя за рулем темно-красного кабриолета, который, рассекая пространство, несется вперед по шоссе, уходящему за горизонт. А сбоку виднеется океан, величественный и полный свежести. С другой стороны возвышаются монументальные горы. О, как же ей хочется оказаться в подобном месте, сменить обстановку, забыть обо всех проблемах последнего времени. Но суждено ли ей это?

В конце концов, все зависит только от нее. Стоит позвонить маме, как та немедленно примется за поиски наиболее оптимального решения. Не пройдет и двух недель, как она окажется в Южной Африке. Но то ли это на самом деле, к чему так стремилась Юлия?

Она не знала. Крестинина не видела родителей уже более полутора лет, однако она не была девочкой, которая льет слезы из-за того, что нет с ней папы и мамы. Но как же ей хотелось, чтобы они оказались рядом с ней. А еще больше Юлии хотелось, чтобы рядом с ней был человек, которому она могла довериться и которого она любила. Виталий предпочел отказаться от этой роли. Ну что же, значит, так тому и быть.

На пушистом белом ковре, под ногами Юлии, зашелестели газеты и письма. Надо же, сегодня утром, когда она готовилась к праздничному ужину, она достала почту и даже не удо-

сужилась ее прочитать. Спать ей совершенно не хотелось, настроение внезапно улучшилось. Прихватив вторую бутылку шампанского, Юля плюхнулась на диван.

Новости ее совершенно не интересовали, она переключила на другой канал и попала на триллер. По всей видимости, далеко не первой свежести, фильм выпуска конца семидесятых – начала восьмидесятых, судя по смешным теперь прическам и одежде. Молодая героиня, которая чем-то напомнила Юле ее саму, получает анонимное письмо. Там буквами, вырезанными из газетных заголовков, кто-то сообщает ей, что она немедленно умрет.

Едва девушка прочитала это странное послание, раздается звонок по телефону. Причем, несмотря на явно дешевый трюк, Юлия, находившаяся в темной комнате, вздрогнула. Господи, ее же никогда не привлекали триллеры и фильмы ужасов. Она предпочитала лирические комедии и романтические истории с хеппи-эндом. А в этом фильме хеппи-эндом для бедной героини и не пахнет.

Телефон продолжал настойчиво трезвонить, и уже кто-то, облаченный в лыжный костюм, с лицом, закрытым страшной маской, ломился через стеклянную дверь террасы в дом. Этот кто-то сжимал в руках кинжал. Героиня, вопя от ужаса, стала звонить в полицию, но телефонная линия была занята. Маньяк гигантскими прыжками настиг свою очередную жертву на втором этаже, где та пыталась скрыться от него в ванной. Она заперла дверь, но преследователь пробил отверстие, затем, просунув руку, сумел открыть замок...

Девушка, всхлипывая, забилась под туалетный столик, мириады сверкающих пузырьков обрушились на нее потоком. Камера показала, как к ней подошла грозная тень, взметнулся кинжал...

Побежала реклама. Юлия перевела дух. Как психолог, она понимала, что подобные фильмы, дешевые и примитивные, вызывают животный страх. Человек боится того, чего не понимает. Надо же, этот фильм явно не может претендовать на «Оскара», а пробрал ее до мозга костей. Ей стало страшно.

Она ни разу за шесть лет, которые прошли с окончания университета, не имела дела со случаями, в которых были бы замешаны маньяки или личности, обуреваемые настойчивым желанием лишить кого-либо жизни. Ее контингентом являлись по большей части подростки, о проблемах которых она и писала. Адаптация в новой среде, переходный возраст, увлечение наркотиками, фальшивые кумиры.

Как она знала, подобные случаи, когда психологи работали с преступниками, совершающими серийные убийства, были единичны. Однако в последние годы, то ли по причине изменения темпа жизни, то ли в результате крушения старых идеалов и отсутствия новых, все больше людей становились способны к насилию и жестокости. Словно рухнули моральные запреты, и дозволенным стало все.

Юлия убрала звук у телевизора, отпила еще полбокала шампанского и принялась за прессу. Газеты – желтые ежедневники, надо же было находиться в курсе текущих событий. И несколько писем.

Ага, поздравление от родителей, они обещали позвонить, но почему-то не позвонили. Скорее всего, находятся где-нибудь в алмазных копиях, как именовала это Юлия. Им по контракту было запрещено распространяться об условиях работы и в особенности о системе безопасности. Кроме того, почему-то нельзя было пользоваться сотовой связью. Ну что же, они никогда не забывают о ее дне рождения, объявятся позже.

Поздравления от двух теток, маминой и папиной сестер, пожелания всего наилучшего. Она попытается воплотить их пожелания в жизнь. Если, конечно, у нее это получится.

Реклама, которую можно тут же отправить в мусорное ведро, и еще одно письмо. Оно привлекло внимание Юлии своей необычностью.

Странный конверт, темно-красного цвета, оттенок свернувшейся крови. Ее адрес написан печатными буквами, причем у нее сразу сложилось впечатление, что писал ребенок – буквы были немного скособолены, строчки заваливались вниз. Странное послание...

Она повертела его в руках. Обратного адреса не было. А на другой стороне конверта была надпись: «Ваш Друг».

Ха-ха-ха! Она первый раз в жизни получила анонимное письмо. От кого бы оно могло быть, от директора института или одной из ее знакомых, которая давала ей советы? Юлия присмотрелась. Штемпель немного смазан, пришлось включить свет, чтобы суметь прочитать название города, откуда было отправлено таинственное послание.

Не Москва, как она предполагала, и даже не Подмосковье. Староникольск, письмо отправлено четыре дня назад. Староникольск – это название ей о чем-то говорило. Юля напрягла память, ответ всплыл совершенно неожиданно, как будто, гуляя по темному коридору, она распахнула дверь и в лицо ей ударил ослепительно белый свет.

Конечно же, Староникольск! Городок в Ярославской области, где когда-то исчезла ее прабабка, красавица начала двадцатого века Анна Радзивилл. Исчезла без следа! Об этой истории она уже вспоминала сегодня... Точнее, вчера, потому что было далеко за полночь.

Юля почувствовала легкий озноб, и это несмотря на жару. Ее взгляд упал на мельтешащий экран телевизора. Возобновился дурацкий фильм, полицейский с какой-то юной дамой бегут по замусоренным проулкам, пытаясь настичь таинственного убийцу. Тот в самый последний момент ускользает от них, перепрыгивая через железнодорожную насыпь, а по путям через секунду проносится поезд.

Как все банально, сплошные штампы, но ей все равно стало страшно. Дурочка, чего ты боишься, сказала Юлия себе. Письмо из Староникольска. Анонимное, безымянное... Прямо как в этом третьеразрядном триллере. А что будет дальше – к ней нагрянет маньяк в лыжном костюме и попытается лишить ее жизни? Слава богу, мелькнула у нее мысль, что она живет на десятом этаже и стеклянной двери террасы у нее нет.

Любопытство перебороло внезапную волну паники, Юлия надорвала конверт и выудила из него белый лист, на котором тем же детским почерком, впрочем, вполне грамотно, всего с несколькими ошибками, было написано:

«Дорогая Юля! Вы меня не знаете, но это Вам и не требуется. Я на Вашей стороне, поверьте мне. Вы наверняка знаете о трагической судьбе Вашей прабабки, Анны Радзивилл. Она исчезла в Староникольске 24 сентября 1916 года. С тех пор ее больше никто и никогда не видел. Единственное, что я могу Вам сообщить – в тот день она была убита. Если хотите узнать больше, то приезжайте в наш городок. Он ждет Вас. Но будьте осторожны – Садовник не дремлет. И мой совет: уделите особое внимание княжескому особняку. Ваш Друг».

Что за бред! Крестинина прочитала письмо три раза, потом откинулась на спинку софы. Внезапно в комнате прогремел скрипучий зловещий голос:

– Готовься к смерти, красотка!

Юлия вздрогнула. Надо же, она задела головой дистанционный пульт, включила звук. Экранный маньяк продолжал бесчинствовать, лишая жизни на этот раз стриптизершу. Юлия выключила телевизор.

Это что, глупая шутка? Едва ли кто-то кроме родителей и ее самой знал об этой истории с прабабкой, Анной Радзивилл. Что это за письмо? Прабабку вроде бы убил ее любовник, молодой князь, который потом покончил жизнь самоубийством. Но к чему это послание? Ей предлагают приехать в Староникольск? Но зачем?

Аноним пишет, что прабабка была убита. И дата совпадает – она исчезла в конце сентября 1916 года, накануне революции. И что за Садовник, при чем тут княжеский особняк?

Ответов, конечно же, она не знала. В Староникольске, заштатном провинциальном городишке, у нее не было друзей, тем более таких, которые могли бы прислать ей подобное письмо.

Что же ей делать – выбросить это странное и немного зловещее послание в мусорное ведро или все же уделить ему внимание?

Раздался телефонный звонок, пронзительный, дребезжащий, похожий на требовательный голос судьбы. Второй раз за несколько минут Юлия вздрогнула. Она в первые секунды не могла сообразить, где же находится телефонная трубка. Конечно же, около нее, под диванной подушкой.

Крестинина вытянула руку и ощутила резкую боль в конечностях. Она слишком много времени провела в одной позе, по рукам и ногам побежали мурашки. Телефон продолжал трезвонить. В тот самый момент, когда она подняла трубку, он смолк.

Кто бы это мог быть? Вместо телефонного номера сплошные прочерки, прямо-таки как в дешевом триллере, который она смотрела совсем недавно. Юлия снова ощутила страх. Чего ей бояться, она находится в собственной квартире, за железной дверью...

И все же... Голосу разума иногда внять ой как сложно. Телефон снова пробудился к жизни, Крестинина схватила его и на одном дыхании выпалила:

– Я вас слушаю!

– Доченька, с днем рождения, извини за поздний звонок, у вас в Москве ведь уже ночь, – услышала она голос мамы.

Юлия перевела дыхание. Надо же, как все просто объясняется.

– Ты, наверное, уже спала, а мы тебя разбудили, – виноватым тоном продолжала та. – Мы тебе звонили минуту назад, но никто не подошел. И мы уж решили, что разбудили тебя, поэтому решили продолжить. Наши самые теплые поздравления к твоему дню рождения, Юлечка!

Крестинина отвечала на вопросы родительницы односложно. Разумеется, у нее все в полном порядке. Да, и с работой, и, безусловно, в личной жизни. Не рассказывать же матери, которая звонит ей из Южной Африки, о том, что ее вот-вот могут вышвырнуть из института, а любимый только что дал ей отставку. Они никогда не были близки с мамой, да и с отцом тоже. Те вечно находились в разъездах, командировках, экспедициях, дочь поручили заботам бабушки.

Вот бы кто смог помочь, подумала Юлия. Бабушка, она это точно знала, была в курсе того, что произошло с Анной Радзивилл в 1916 году в Староникольске. Однако бабушка умерла шесть лет назад, незадолго до того, как Юлия окончила университет.

– Мама, – решила-таки Крестинина, – что тебе известно про Староникольск и Анну Радзивилл? – произнесла она.

Повисла пауза, Юлии показалось, что она слышит дыхание матери. Затем раздался ее осторожный и немного испуганный голос:

– Юля, а зачем тебе это?

Действительно, зачем? Сказать родителям, что ей пришло непонятное послание из маленького городка за подписью «Ваш Друг»?

– Понимаешь, – произнесла Крестинина, – я работаю над статьей, посвященной... посвященной психологии людей, совершающих преступления на почве страсти. А ведь Анна Радзивилл, как я знаю, была убита своим любовником и, скорее всего, именно по этой причине.

– Ничего ты не знаешь, – сердито произнесла мать. – К чему тебе эта древняя история? Забудь об этом, Юля, прошу тебя! Кроме того, никто так точно и не знает, что же на самом деле случилось с твоей прабабкой, моей бабкой. Она исчезла, растворилась в воздухе... Ты права, у нее был поклонник, некий молодой князь, но это ведь только слухи, что он ее убил. Никаких тому подтверждений нет. Да и вообще, в Староникольске, как говорила твоя бабка, дочь Анны, в то время происходили странные дела. Вроде бы... Ну ладно, тебе это неинтересно, да и не хочу я тратить деньги на эти столетние воспоминания.

Ну да, ее матушка, которая могла болтать по телефону часами, невзирая на счета с множеством нулей, никогда не заботилась о таких мелочах. Она придерживалась мнения, что нужно наслаждаться жизнью в полном объеме. Зарабатывали они с отцом весьма прилично, даже по западным меркам, поэтому разговор ночью из пригорода Йоханнесбурга никоим образом не мог пробить брешь в семейном бюджете.

– Мама, мне это чрезвычайно необходимо, – попробовала настоять на своем Юлия. – Эта статья очень важна для моей карьеры. У нас в будущем году грядут выборы заведующего кафедрой...

– О, моя крошка, – запричитала мама. – И тебя выдвигают на эту должность! Я всегда знала, что ты достойна занять этот пост. Ну конечно же, если тебе это нужно для статьи... Но я и в самом деле много не знаю. Вот твоя бабка, царство ей небесное, могла бы рассказать. Но, сама понимаешь, это уже невозможно. Хотя... Мне кажется, где-то на даче, скорее всего, на антресолях или в подвале, находится ее небольшой архив, посвященный Анне Радзивилл. После смерти бабушки я не решилась его выкинуть, и, если мыши не закусили им, он по-прежнему где-то на даче. Можешь попробовать найти, там вырезки из газет, фотографии... Твоя бабка также интересовалась этим делом, даже ездила в Староникольск, чтобы расследовать таинственное исчезновение Анны.

Затем последовали жалобы на отвратительное качество питьевой воды, невыносимую жару, воровство местной прислуги – и разговор завершился.

Для себя Юлия сделала единственное важное заключение – она поедет в Староникольск. Ее там ждут, и странное письмо лишнее тому подтверждение. Ей в любом случае необходим отпуск, вот она и сбежит от своих проблем, но не на Средиземное море или к океану в Южную Африку, а в провинцию.

Прежде всего она попытается отыскать архив бабушки. Мама, никогда не отличавшаяся особым рвением к чистоте и порядку, считала, что любая старая вещь может в дальнейшем пригодиться, поэтому их подмосковная дача походила на филиал плюшкинского особняка. Юлия в последнее время не ездила на дачу, участок, на котором никогда ничего не выращивали, зарос травой, дом был полон паутины и пыли.

Итак, ей предлагается путешествие в прошлое. Почему бы и нет, она обманула маму, но, может быть, после изысканий на самом деле появится великолепный материал для статьи. Увы, очевидцев событий, произошедших в 1916 году, в живых давно нет, разве что древние старушечки и деды, которые в те времена были детьми. Но что они могут ей рассказать?

Ее зовут в Староникольск. Она поедет туда хотя бы затем, чтобы выяснить – кто этот человек, который поставил под письмом подпись «Ваш Друг». Что-то в этом письме не давало ей покоя. С одной стороны, кто-то претендует на то, чтобы оказать ей любезность и помочь, а в то же время... Нет, дело явно нечисто!

Но если она захочет расследовать исчезновение и, вероятнее всего, убийство своей прабабки, то сделать это будет крайне затруднительно. Только в детективах Агаты Кристи и Мэри Хиггинс Кларк возможны подобные повороты сюжета, а на самом деле – велика ли вероятность того, что она сможет докопаться до чего-либо спустя... Спустя почти девяносто лет после событий.

Юлия не верила в это. Но август, месяц, который казался ей страшным, напряженным и полным неудач, вдруг расцвел яркими красками. Решено – в ближайшие дни она возьмет отпуск за свой счет, найдет архив бабушки и отправится в Староникольск. Эта пауза одновременно даст ей возможность собраться мыслями и выработать стратегию по борьбе с неприятностями, воплотившимися в данный момент в лице нового директора института. Он – Юлия знала это точно – пользуясь отсутствием супруги, укатил на две недели куда-то в сторону Лазурного побережья. И явно не за свой счет. И явно не один – очередная дурочка из числа симпатичных сотрудниц поверила его обещаниям и клюнула на приманку.

Значит, у нее есть возможность и самой немного расслабиться. Почему бы и не Староникольск? Что она знает об этом городишке? Практически ничего. Кажется, существует древняя, уходящая корнями в мрачное средневековое история. Что-то, связанное с женой одного из русских царей из династии Рюриковичей.

Наивно думать, что бурная жизнь кипит только в больших городах. Юлия, сама москвичка в третьем поколении, знала, что в подобных городках, где каждый знает практически каждого, есть масса давних преданий, там тоже живут люди. И зло, которое в больших городах рассеяно среди миллионов, там концентрируется на нескольких тысячах жителей.

Староникольск, она уже представляет его себе – небольшой, с массой старинных зданий и церковей, садами и палисадниками, соседками, знающими все обо всех, валяжными котами, развалившимися в тени заборов...

И злом, притаившимся где-то неподалеку. Что же говорила бабушка, она ведь упоминала, что Анна Радзивилл стала не единственной жертвой... Но жертвой кого или чего?

Вот это и предстояло выяснить. Юлия отпила последний глоток из бокала и с удивлением заметила, что бутылка абсолютно пуста. Надо же, она умудрилась справиться почти с полутора бутылками шампанского. Нельзя так расслабляться, неприятности, которые сыплются на нее, как из рога изобилия, вовсе не причина, чтобы распускать себя.

Она отметила, что страх и непонятное чувство тревоги, которые терзали ее, улетучились. Было два сорок пять. Давно пора отправляться в постель. Благо что завтра – воскресенье, не надо идти на работу, а с понедельника она уходит в отпуск. И пусть будет то, что будет!

Крестинина в который раз перечитала письмо из Староникольска. Человек, написавший его, знает не только ее имя, фамилию и московский адрес, что само по себе уже удивительно, он в курсе их семейных тайн. Кто же он, этот Друг? И друг ли он на самом деле? Насколько она знала, анонимные послания практически всегда отправлялись недоброжелателями. Значит, это не друг, а враг? Или она делает чересчур поспешные выводы?

Что же, осталось потерпеть совсем немного. Еще неделя, и она окажется в Староникольске. У нее там нет ни родственников, ни знакомых, но это и к лучшему. Она попытается раскрыть тайну исчезновения Анны. Если эта миссия потерпит неудачу, она в любом случае проведет незабываемые дни в Староникольске.

Юлия не знала, до какой степени она была права. События в Староникольске, которые после ее приезда в этот замшелый городишко понеслись с огромной скоростью, врезались ей в память. Она и не подозревала, что кто-то в милом провинциальном городке лелеял жуткие, кровавые планы. И она была составной частью этих сумасшедших планов. И ей предстояло вскоре узнать это...

30 июля

Тьма распласталась над Староникольском, как бархатное одеяло. Старинный монастырь, гордость городка, возвышался над мерно текущей речушкой, как сказочная крепость. Его было очень хорошо видно из леса, раскинувшегося на другом берегу.

– Братья и сестры, – произнес глухой призывный голос. – Я вижу, вы все собрались! Все тринадцать. Сегодня, в полнолуние, мы приступим к нашему ритуалу!

Поляна была идеальным местом для их сборища. Лес издревле пользовался дурной славой, и никто из местных не рискнул бы ночью, в особенности когда бледный лик луны сиял подобно глазу адского чудовища в темном небе, оказаться здесь и стать свидетелем их ритуала.

Фигуры, закутанные в черные плащи с капюшонами. Ровно тринадцать. Двенадцать на поляне и одна на возвышении – тринадцать, чертова дюжина...

Создавалось впечатление, что поляна – это гигантская шахматная доска, а люди в черном – игровые фигуры. Они расположились в определенном порядке. Около каждого из них горела небольшая свеча, накрытая колпаком из темно-красного стекла. Лиц не было видно вовсе, нельзя было сказать, кто из собравшихся мужчина, а кто женщина – все в одинаковой степени походило на призраков, вышедших в самый зловещий час из чрева преисподней.

Глава этого сборища выделялся осанкой и поведением. Высокий, ростом около двух метров, облаченный в черный плащ, который был украшен богатой вышивкой. Присмотревшись, можно было бы распознать в узорах страшные буквы и знаки черной магии. Человек держал в одной руке зажженную свечу из черного воска, в другой у него был зажат обоюдоострый нож.

– Вы готовы? – произнес он, обводя взором двенадцать фигур, выражавших покорность и потаенное желание.

– Да, да, да... – послышались приглушенные ответы, которые срывались с губ людей, закутанных в плащи.

– Это хорошо, – с удовлетворением произнес глава сборища. – Прежде чем мы приступим к ритуалу, хочу сказать вам следующее, братья и сестры. Церковная власть, а вместе с ней и светская, проявляют беспокойство по поводу нашей активности. Они желают уничтожить нас.

По сборищу прокатился глухой ропот недовольства. Еще бы, все были в курсе: уже несколько лет как в Староникольск прибыл новый священник, в чьи функции – это являлось секретом Полишинеля – наряду с заботой о прихожанах входила борьба с тайной и страшной ересью, поразившей старинный русский городок. Секта Тринадцати – так именовалась она. Про нее мало что было известно, разве только то, что состоит она из тринадцати человек. Казалось бы, какая ерунда – если тринадцать безумцев и вероотступников желают заниматься чем-то непотребным, то это их полное право. Однако, как ходили слухи, на самом деле Секта Тринадцати существовала во многих городах, и там их число насчитывало гораздо большее количество приверженцев.

Что именно стояло за ритуалами, никто не знал. Втихую говорили, что Секта Тринадцати не брезгует человеческими жертвами, а возглавляет ее в Староникольске могущественный член Большого Совета – тринадцати человек, которые состоят в связи с потусторонним миром. Однако многие считали, что секта – всего лишь фантазия, не более чем очередная городская легенда одного ряда с оживающими мертвецами на городском кладбище, оборотнями из леса и зелеными человечками.

– Мы знаем, знаем об этом... – послышались голоса.

Глава сборища кивнул и продолжил:

– Однако хочу сказать, что у этого священника, который облечен властью уничтожить нас, ничего не получится. Мы будем противостоять этому, как только можем. И сегодня... Сегодня мы сделаем первый шаг на пути к этому великому противостоянию!

Колокол расположенного неподалеку монастыря ударил три раза. Было ровно три часа ночи.

Глава сборища знал, что необходимо торопиться. Скоро, через каких-то два часа, рассвет, а еще предстоял ритуал и посвящение новых членов. Он получил указания от Великого Магистра, главы Большого Совета, в который входил и сам, – Секта Тринадцати должна расширять свое влияние. Молодежь оказалась падкой на подобные вещи, почти все подростки города знали о том, что секта существует в действительности. И очень многие, наслышанные о том, что члены секты приобщаются к древним ритуалам и магической силе, хотели бы вкушать запретный плод.

– Итак, братья и сестры, – продолжал вещать глава сборища. – Представляю вам новых наших собратьев!

Словно повинувшись его словам, вокруг поляны взметнулись и тотчас погасли столбы синезеленого пламени. Двенадцать собравшихся повалились на землю. Они знали, что их властелин всесилен, у них десятки раз была возможность убедиться в этом.

Пять новых фигур, закутанных в белоснежные одеяния, возникли из леса. Неофиты встали полукругом перед главой собрания, тот громовым голосом стал произносить заклинания на латыни.

Процедура посвящения длилась около получаса, затем новые члены Секты Тринадцати сбросили белые плащи, оставшись в черных, одетых снизу.

– Мои поздравления, – пророкотал верховный жрец. – Вы знаете, что последует теперь? Все знали, даже те, кто только что приобщился к ритуалам секты. Жертва, теперь должна быть принесена жертва!

– Что же, приступайте! – воскликнул глава еретического собрания.

Столбы пламени снова осветили поляну. Главарь взметнул обоюдоострый нож над головой и приготовился. Ждать оставалось совсем немного...

Луна, единственная свидетельница зловещего ритуала, равнодушно взирала на людские страсти.

1 августа

– Ваша светлость, – сказал адвокат. – Прошу вас, вот пакет документов по Староникольску.

– Великолепно, – произнес тот, кого адвокат назвал столь необычным для республиканской Америки титулом. Разговор велся по-английски. – Я очень доволен вами, мистер Уорвик.

– Для нашей адвокатской фирмы большая честь вести дела такого известного человека, как вы, ваша светлость, – произнес мистер Уорвик, узкие губы которого расплылись в улыбке.

«И богатого, – добавил он про себя. – Чертовски богатого!»

Молодой человек, носящий титул князя, посмотрел в окно, на величественную панораму Манхэттена, расстилавшегося вокруг. Они находились в Нью-Йорке, финансовом центре США.

Он, Александр Святогорский-младший, князь, к тридцати двум годам достиг практически всего, о чем можно мечтать. Он был гражданином Соединенных Штатов, но наряду с этим принадлежал к одному из древнейших российских аристократических родов. Его предки, еще до Февральской революции предчувствуя грядущую катастрофу и низвержение прежних порядков, переехали во Францию, откуда перебрались в Голландию, а когда маленькое королевство было оккупировано нацистами, отправились за океан, в Америку. Александру не пришлось думать о деньгах, он был богат. Его прадед, старый князь Феликс Святогорский, сумел чрезвычайно мудро распорядиться и без того колоссальным семейным состоянием. Их семейство являлось элитой американского общества, а молодой князь, Александр Второй, как называли его желтые еженедельники, одним из самых желанных женихов Нового Света.

Александр, окончивший Гарвардский университет, внимательно просмотрел документы, подготовленные адвокатской фирмой, возглавляемой мистером Уорвиком. Что же, все безупречно.

– Великолепно, – еще раз произнес молодой князь. – Если позволите, я оставлю их у себя и подпишу позднее. Мне нужно обдумать. Да, мне нужно все очень хорошо обдумать...

– Как вам будет угодно, – сказал адвокат.

Он с некоторой завистью посмотрел на молодого князя Святогорского. Молодой Александр из тех, кому все досталось при рождении, он стал наследником мультимиллионного состояния, едва только появился на свет в престижной частной клинике Бангора. В отличие от него, мистеру Уорвику пришлось приложить огромные усилия, чтобы пробиться из самых низов и стать совладельцем крупной и, что самое важное, обладающей безупречной репутацией адвокатской фирмы на Уолл-стрит.

А вот князя Святогорские... Репутация – вот их ахиллесова пята, и мистер Уорвик, который почитывал бульварные еженедельники, был в курсе всех сплетен. Александра упрекнуть не в чем, он – представитель золотой молодежи, бриллиантовый мальчик, как про себя с сарказмом именовал подобных молодых наследников мистер Уорвик. Он не был замешан ни в одном скандале – он не напивался вдрызг, не увлекался наркотиками, не заказывал в номер фешенебельного отеля дюжину проституток, не был «голубым» и вообще мог сделать любую карьеру. Ему не светило стать президентом, человека с труднопроизносимой для рядового американца фамилией Святогорский избиратели никогда не сделают главой государства, а вот занять другой, не такой высокий, но, возможно, гораздо более влиятельный по своей сути пост он вполне мог. Ему всего тридцать два, а он уже является членом нескольких советов директоров в крупнейших американских компаниях. Скорее всего, через пару лет он займется политикой. Почему бы нет, он вполне может стать сенатором, а затем и министром в очередной администрации. Но...

Мистер Уорвик знал, что это за «но». Никто и никогда не проголосует за человека, которого обвиняют в убийстве. Александр никого не убивал, а вот его дед, Феликс-младший...

Святогорские вели происхождение от Рюриковичей, их фамилия была среди претендентов на русский престол, когда в ненастном 1613 году бояре выбирали нового властелина. При Петре они впали в немилость, так как активно противились реформам гневливого императора, зато взлетели при Екатерине и особенно при Александре Первом. Кирилл Святогорский стал военным министром. Не повезло разве что с Феликсом-младшим, дедом Александра. Семейство князей, обитавшее попеременно то в Петербурге, то в Царском Селе, то за границей – в Биаррице, Баден-Бадене, Ницце, имело роскошный особняк, настоящий дворец, возведенный архитектором Баженовым в Староникольске, городке в русской провинции, где князья владели большими угодьями.

Именно там, в самый канун революции, Феликс-младший и покончил жизнь самоубийством. А до этого убил свою любовницу, звезду немого кино Российской империи Анну Радзивилл. А говорят, и не только ее...

Княжеская фамилия никогда не делала никаких заявлений по этому поводу, предпочитая молчать, но зачастую молчание красноречивее любых слов. В эмиграции Святогорские стали крайне непопулярны среди иных аристократических семейств. Феликса-старшего, отца Феликса-младшего, подозревали в том, что он специально пытался замять скандал, разгоревшийся вокруг его сына. Кроме того, в отличие от множества других знатных семейств, Святогорские не только сохранили, но и приумножили богатства, вывезенные не вполне честным путем из России.

Некоторые газеты раскопали, что сына старого князя подозревали не только в непосредственной причастности к бесследному исчезновению Анны Радзивилл, но и еще в нескольких убийствах, которые произошли в провинциальном городке Староникольск накануне столь поспешного отъезда семьи, больше похожего на бегство от правосудия. Княжеское семейство же окрестили «русскими Дракулами», намекая на их вину в гибели нескольких молодых русских девушек. Феликс-старший приложил все усилия и истратил не одну сотню тысяч долларов, чтобы эта история не получила широкого распространения, но тщетно. Он даже подал в суд на один из таблоидов, требуя гигантской компенсации морального ущерба, опровержения и публичных извинений. Процесс закончился, так и не начавшись. К всеобщему изумлению, адвокаты истца пошли на мировую – князь снял все требования, а еженедельник продолжил печатать серию статей про «русского Дракулу». Фактически Святогорский проиграл дело, что дало новую пищу для разговоров о виновности его сына в серийных убийствах.

Старик князь, давно парализованный и прикованный к креслу, скончался спустя несколько дней после разразившегося на Уолл-стрит финансового кризиса в конце октября 1929 года в возрасте семидесяти восьми лет. Его наследником стал Феликс Третий, его несовершеннолетний внук, сын его покончившего с собой сына, опеку над которым взяла невестка старого князя, мать Феликса Третьего и супруга Феликса Второго, Аделаида Святогорская, урожденная княгиня Шереметева. Но и она не сумела унять волну публикаций, слухов и даже телевизионных передач про своего супруга, который предпочел самоубийство правому суду.

Однако все это, как считал мистер Уорвик, мало волновало молодого князя. Он был богат, молод, умен и красив. Он пошел в своего деда, несчастного Феликса-младшего – такой же высокий, атлетического телосложения, с темными волосами, серыми глазами и классическими чертами лица. Единственное, что его портило, был капризный рот. Про Святогорских рассказывали, что они не могут контролировать свой гнев и способны в таком состоянии на самые ужасные поступки. Именно в таком припадке дед Александра якобы и убил свою пасию...

Адвокат предпочитал молчать, так как знал – достаточно всего единственного неосторожного слова, и князь Святогорский сменит адвокатскую фирму. А упускать такого выгодного

клиента крайне неосмотрительно. В конце концов, про каждое семейство, добившееся социального и финансового успеха, ходят подобные слухи. Чем лучше, к примеру, Рокфеллеры?

– Вы можете быть свободны, мистер Уорвик, – произнес в задумчивости молодой князь.

Уорвик поджал губы. Александр разговаривает с ним, как мог бы разговаривать его далекий предок с камердинером, не вовремя появившимся в спальне. Вот она, подлинная аристократия... Мистер Уорвик, выходец из бедной ирландской семьи, привык улыбаться в самых напряженных и неприятных ситуациях. Это помогло ему достичь высот в юриспруденции.

– Моя секретарша свяжется с вами, как только я подпишу документы, – сказал на прощание Александр Святогорский. Короткое, крепкое рукопожатие, и мистер Уорвик оказался вне пределов кабинета князя.

Апартаменты Святогорского располагались в одном из небоскребов, здесь, в изящно и богато обставленных помещениях, он и вел дела, распорядясь многими миллионами. Помимо того что он наследник больших денег, он – представитель одной из древнейших фамилий России.

Александр говорил по-русски практически без акцента, по настоянию отца, Феликса Третьего, сына покончившего с собой Феликса-младшего, Александру наняли русскую няню, крестили в православии и воспитывали в русской культуре. Его мать, представительница элитарного и очень богатого семейства Маккормиков, пыталась было противиться, но поняла, что мужа переубедить не удастся. Ее супруг, два срока заседавший в сенате, крупный промышленник и финансист, друг нескольких президентов и желанный гость в Белом Доме, не терпел противления собственной воле.

Мать Александра вздохнула с облегчением, когда ее супруг-диктатор в возрасте пятидесяти шести лет, вскоре после рождения Александра, внезапно скончался от инсульта. Хелена Святогорская, еще до того, как согласилась выйти замуж за Феликса Третьего, вместе со своими родителями тщательно взвесила все «за» и «против». Святогорские были чрезвычайно богаты, стареющий князь, который до достижения пятидесятилетнего возраста вел сибаритскую жизнь, не отказывая себе ни в каких удовольствиях, в результате чего он в итоге и проиграл очередные выборы в сенат, был выгодным женихом. Его первая супруга, голландская графиня, погибла в автомобильной катастрофе, детей у них не было. Но вот эта старая история, произошедшая в России... Впрочем, кому, кроме читателей бульварных газетенки, были интересны сплетни более чем полувекковой давности.

Роскошные свадебные подарки князя – яхта «Хелена», четвертая по водоизмещению в мире, редкостный квадратный изумруд и полотно кисти Рембрандта – убедили родителей Хелены ответить согласием на предложение Феликса Третьего. Единственным их условием было, чтобы сына-наследника, рождения которого с нетерпением ожидали и Маккормики, и Святогорский, крестили в лютеранстве и нарекли Эдуардом – в честь его деда по материнской линии. Феликс дал свое согласие, но все изменилось в тот момент, когда в апреле 1970 года Хелена разродилась здоровым и крепким мальчуганом.

Феликс Третий, давно бредивший наследником и с ужасом, после легкого инфаркта, осознавший, что он может умереть, так и не произведя на свет потомства, буквально сошел с ума, когда увидел мальчика. Он единоличным решением, не советуясь с женой, тещей и тестем, назвал его Александром, в честь своего прадеда, знаменитого военного стратега, и на третий день после рождения тайно крестил в православном храме.

Скандал разгорелся нешуточный. Семейство Маккормиков потребовало чуть ли не развода Хелены с князем и грандиозного судебного процесса, связанного с правами по опеке над сыном, но князь, мобилизовав все имеющиеся связи, пригрозил тестю подлинной финансовой войной.

Эдуард Маккормик вскоре убедился в реальности намерений зятя – Святогорский начал скупать акции некоторых предприятий, принадлежавших семейству его жены, затем созвал на

одном из них внеочередное собрание акционеров, отправил в отставку прежний совет директоров и практически прибрал к рукам выгодное предприятие по производству автомобильных покрышек. Все это произошло в течение считанных недель. Когда Святогорский нацелился на крупный фармацевтический концерн и начал приготовления к его захвату, Маккормик, видя, что зять не считается с затратами и готов вести войну до победного конца, невзирая на жертвы с обеих сторон, запросил перемирия.

Семейный совет, созванный в техасском поместье Маккормиков, постановил придерживаться статус-кво: мальчик остается Александром, однако, следуя протестантской традиции, получает второе имя Эдуард. Религиозный вопрос также остался без изменений – юный Александр стал прихожанином православного храма Святой Елизаветы. Старший Маккормик особенно противодействовал в этом пункте, он надеялся, что его внук когда-нибудь займет пост президента США, а его православие стало тому серьезным препятствием.

– Нет, – заявил Феликс Третий, – мой сын скорее станет русским царем, чем президентом Америки.

Святогорский лелеял мечту о триумфальном возвращении на родину. Он сам родился в Староникольске, однако после самоубийства отца его дед принял решение – немедленно уехать в Париж, туда же перевести и все капиталы. В империи, которая вела войну, это выглядело крайне непатриотично, однако у старого князя были на то веские основания. Его сына, покончившего с собой, подозревали, помимо убийства любовницы, актрисы Анны Радзивилл, в совершении ряда жестоких преступлений, взбудораживших провинциальный городок летом и осенью 1916 года. Княжеское семейство, всегда популярное по причине их щедрой благотворительной деятельности, возненавидели, и старый Святогорский счел необходимым убраться восвояси еще до того, как полные гнева граждане разгромят его дворец и перебьют все семейство.

Феликс Третий, который провел в России всего несколько месяцев своей младенческой жизни, желал во что бы то ни стало вернуться на родину. И не как турист, а как хозяин. У него были фотографии его дворца, превращенного после революции сначала в клуб для просвещения безграмотных, потом в избу-читальню, затем в хлебопекарню, и под конец в склад. Святогорский всеми фибрами своей аристократической души ненавидел большевиков и считал коммунизм порождением сатаны. Это не помешало ему трижды побывать в СССР, и в том числе один раз съездить в Староникольск, где он, насупив брови и сузив глаза, осмотрел роскошный остов некогда величественного особняка, заросший сад, превращенный в городской парк, перестроенную систему когда-то чудных фонтанов, которые современники сравнивали по красоте с петергофскими.

После возвращения в Америку князь предложил советскому правительству выкупить принадлежавшие некогда его семейству угодья и дворцовые площади за колоссальную сумму – двести пятьдесят миллионов долларов. Брежневские чиновники сначала сочли письмо, пришедшее в Кремль, дикой шуткой, затем рассматривали это как провокацию диссидентов и заморских спецслужб, а под конец на безупречном английском в сладко-вежливых фразах ответили «его сиятельству князю Феликсу Святогорскому», что подобная сделка не может иметь место ни в коем случае, так как советское государство не нуждается в деньгах и не намерено продавать национальное достояние, «собственником которого является народ СССР».

Святогорский после этого бушевал на своей вилле во Флориде, крича: о каком достоянии идет речь, если дворец зарастает бурьяном и используется жителями городка как огромный общественный туалет. Спустя неделю после этого инцидента князь во время перелета из Майами в Нью-Йорк на частном самолете почувствовал себя плохо, самолет был вынужден запросить экстренную посадку, однако живым увидеть землю Феликсу Третьему так и не довелось – он впал в предсмертную кому еще до того, как шасси его самолета коснулись поверхности взлетно-посадочной полосы аэропорта в Вирджинии.

Хелена Маккормик-Святогорская не особо горевала по поводу кончины супруга, с которым она так и не сумела найти общий язык. Александру в тот момент было два года, и он стал наследником огромного состояния, которое грозило увеличиться после кончины его бабки и деда Маккормиков. Так и произошло, и в возрасте двадцати одного года Александр вступил в права владения колоссальным состоянием. Его матушка, нашедшая счастье в объятиях личного дантиста, бывшего на девять лет ее моложе, с удовольствием передала сыну бразды правления.

Александр, практически не помнивший отца, воспитывался Хеленой в отстраненной к нему критике. Феликс Третий считался эксцентриком и неудачником. Но Александр, сызмальства поражавший удивительно трезвыми суждениями и несгибаемой волей, сумел разобраться в действительном положении вещей. Мать он чтит, предоставил ей два особняка – в Калифорнии и Нью-Йорке, а также чрезвычайно щедрое годовое содержание, которое Хелена и ее любовник-дантист не могли потратить даже при всей их склонности к мотовству. Отца он уважал. Он, как Феликс Третий, бредил Россией, утерянной землей обетованной, которую ему предстояло обрести.

Поэтому, когда рухнул железный занавес, он тотчас отправился в Москву, а оттуда в Староникольск. Городок произвел на него гнетущее впечатление, а кирпично-мраморный труп дворца вызвал у него слезы. Александр, как и отец, сначала отреагировал крайне эмоционально, однако потом, подумав, принял решение помогать Староникольску, своей малой родине.

Он завязал прочные финансово-торговые отношения с Москвой, занялся нефтяным и продуктовым бизнесом, в Староникольске под его патронажем были отреставрированы старинные здания, возрожден древний Староникольский монастырь, открыта бесплатная школа для молодых дарований, музыкальный колледж. Он щедро спонсировал открытый по его настоянию Староникольский филиал Открытого гуманитарного Московского университета, устраивал шикарные и запоминающиеся городские праздники, помогал ветеранам войны, инвалидам, сиротам, не забывал и о постоянной подпитке власть имущих.

Молодой князь стал желанным гостем в городке, а некоторые молодые (и не очень) барышни, закатывая глаза, заявляли, что Александр Святогорский – истинный секс-символ, а Лео Ди Каприо и Ричард Гир ему и в подметки не годятся!

Результатом этого и стало решение, которое, спустя целых одиннадцать лет после его возвращения в Россию, было принято на самом высшем уровне сначала в Москве (исключительно благодаря большому количеству долларов, которые перекочевали из кармана князя в карманы нескольких высокопоставленных чинуш), а потом в Староникольске (количество денег, которым удовлетворялись местные власти, было на порядок меньше, чем в столице).

Князь получил право реставрации дворца, а также – об этом мало кто знал – приобрел в собственность достаточно большое количество земли, которая раньше была угодьями его семейства.

И вот теперь, после визита мистера Уорвика, молодой князь Александр Святогорский в одиночестве и с некоторым трепетом просматривал документы, которые предоставляли ему окончательное право на земли в Староникольске. Сделка была подозрительна с точки зрения как американского, так и российского права. И князь, выпускник Гарварда с дипломом юриста, не мог этого не знать. Однако ему было куда важнее, что сбылась мечта его отца и его самого – он возвращается в Староникольск.

Князь открыл сейф, достал оттуда кожаную папку, вынул толстую пачку эскизов. Вот он, княжеский дворец, который воссияет в своем великолепии буквально через два года. Он возродит прежний блеск и величие рода князей Святогорских. Александр был уверен, что в этом и заключается его миссия.

У него были деньги, а значит, было все. Он восстановит дворец, английский парк, систему уникальных фонтанов. Мрамор он уже заказал в Италии, статуи для фонтана отливают во Франции, затем их в Париже покроют позолотой... Благо, что остались фотографии и чертежи старого дворца, а также подробное описание внутреннего убранства.

О, он не только восстановит дворец, он создаст новый шедевр. Он не будет жалеть денег, все равно у него их больше, чем он сможет истратить за всю жизнь. Жаль, что в Москве не удалось добиться права собственности на дворец. Оказывается, несмотря на то что особняк пребывает в ужасном состоянии, он занесен в какой-то кодекс-реестр, запрещающий передачу его в частную собственность как национальное достояние. Надо же, чиновники, ответившие его отцу, не издевались, они говорили правду.

И тем не менее Александр был уверен, что пройдет несколько лет, и он сумеет убедить нужных людей в столице – и дворец станет его. Возможно, неофициально, но он сумеет сделать его собственной резиденцией. Конечно, о восстановлении в России монархии нельзя и помыслить, но все же как хорошо будет хотя бы раз в год приезжать из далекой Америки на родину, в Староникольск, в собственный дворец...

Александр был прагматиком. Он истратит на приведение в порядок дворца, паркового комплекса и каскада фонтанов не менее двадцати миллионов долларов, своих собственных долларов. Ни у Москвы, ни тем более у Староникольска нет таких астрономических средств. Поэтому-то он и может диктовать свои условия.

В папке находилось несколько проектов, подготовленных по его заказу известными архитекторами в России и Америке. Он уже нанял строительную компанию, которая пообещала ему восстановить дворец в кратчайшие сроки – полтора года. Еще полгода понадобится на парк и фонтаны. Что же, весьма оперативно, учитывая огромный объем работы.

Дизайнеры в Германии и Финляндии уже ждут его приказаний, чтобы начать разработку внутреннего интерьера дворцового комплекса. Итак, все готово. Строительные работы начнутся через неделю. Он лично приедет в Староникольск, чтобы присутствовать на символическом заложении первого камня нового дворца. И новой жизни, как надеялся Александр.

5 августа

Олеся откинулась на спинку тяжелого, обтянутого красным бархатом кресла и с любопытством уставилась на Брониславу. Что ей предстояло узнать от знаменитой гадалки? Свою судьбу! Именно за этим она и пришла сюда!

Олеся не то чтобы особенно верила предсказателям, однако ей было крайне любопытно. В последнее время судьба наносила ей удары один за другим – сначала этот странный конфликт с профессором, затем неожиданное расставание с Владом... Господи, ей же всего двадцать три года, ей так хочется, чтобы все было хорошо. За этим, собственно, Олеся и пожаловала к Брониславе.

Знаменитая в Староникольске гадалка и ясновидящая Бронислава обитала в старинном особняке из красного кирпича. Подобное здание, пусть и в отдаленном районе, стоило ужасно много. Даже арендная плата была наверняка высокой. А Брониславе она была по карману.

О Брониславе ходили разные слухи, о ней слагали легенды. Олеся знала, что попасть на прием к предсказательнице сложно, нужно записываться заранее, иногда приходилось ждать целый месяц, чтобы оказаться в кресле перед ней. Олеся повезло – ее тетка была хорошей знакомой дамы, работавшей в приемной Брониславы. Та внесла Олеся в список, не моргнув глазом. В любом случае Брониславе было все равно, кого принимать.

– Итак, чем я могу вам помочь? – сказала гадалка певучим грудным голосом, появившись перед Олесей.

Девушка, которой, несмотря на палящую августовскую жару, было холодно, вздрогнула. По коже побежали мурашки. Ей доводилось несколько раз видеть Брониславу – ее фотографии в газете, а также на городских праздниках.

И вот она стояла перед ней, словно возникшая из небытия, вышедшая из колыхающейся черной занавески. Достаточно высокая, полнотелая, облаченная в свободные, ниспадающие одежды. Иссиня-черные волосы, красные губы, бледная кожа. Пальцы с длинными кровавыми ногтями унизаны сверкающими перстнями, на шее перекатываются многочисленные золотые и серебряные цепочки и ожерелья из янтаря, бирюзы, сердолика.

– Молодая дама, – произнесла Бронислава, скупно улыбаясь. – Вы наверняка хотите узнать собственное будущее, не так ли? Ну что же, если это так, то приступим!

Олеся вжалась в кресло и с восторгом уставилась на Брониславу. Именно такой она всегда и представляла себе истинную предсказательницу. А то, что Бронислава была настоящей, а не шарлатанкой, она знала почти со стопроцентной уверенностью. Все подруги Олеси, ее родственницы, в особенности тетка, в один голос уверяли – Бронислава творит чудеса. Она может предсказать будущее, снять порчу или сглаз, помочь отвести несчастья и приворожить суженого. Все это стоило дорого, но что подделаешь, клиентам был важен результат.

Гадалка опустила в кресло с высокой спинкой, которое стояло за круглым столом из дуба, ее руки замерли над хрустальным шаром. Олесин взор волей-неволей сконцентрировался на пассах Брониславы. Гадалка, разводя руками, что-то бормотала себе под нос. Олеся, до сих пор ничего не сказавшая, почувствовала легкий страх.

Это письмо... Оно лежало у нее в сумочке. Странное, непонятное письмо, которое она получила вчера. Оно пришло не по почте, кто-то опустил ей в почтовый ящик. Это что, скрытая угроза или идиотская шутка? Может быть, таким образом профессор, с которым она по собственной глупости обострила отношения, решил ей отомстить? Или это проделки Владика, бывшего приятеля Олеси, который цинично бросил ее, едва Олеся вошла в черную полосу неприятностей.

Девушка закрыла глаза. Она старалась не думать о неприятностях. Не может быть, чтобы все было так ужасно! Ей всего двадцать три, жизнь в самом начале. А все эти неприятности – они же пройдут, исчезнут, как утренний туман!

И все же ей было страшно. То ли обстановка в кабинете Брониславы подействовала на нее подобным образом, то ли еще что-то, но Олеся внезапно захотелось оказаться дома, в своей квартирке, где она чувствовала себя в относительной безопасности. Возможно, идея навестить предсказательницу была далеко не самой удачной.

– Я вижу могущественного человека, которого ты разозлила, и он кипит от гнева, когда слышит твое имя, – произнесла Бронислава.

Олесины голубые глаза с длинными ресницами широко распахнулись. Откуда Бронислава это знает? Так ведь на самом деле и есть, она, несомненно, ведет речь про профессора...

– Ты недавно пережила предательство, – продолжала гадалка. – Тебе очень тяжело, но, поверь мне, это пройдет. Не думай о плохом, чередой неприятностей для тебя...

Она внезапно смолкла, уставившись в глубины хрустального шара. Олеся, приоткрыв рот, с нетерпением ждала слов Брониславы. Это же чудо! Что бы там ни говорили – Бронислава действительно заслуживает того доверия, которое к ней испытывают жители Староникольска. И тех денег, каких стоит визит к ней.

– Что вы видите, каково мое будущее? – прошептала девушка, и ее руки схватились за резные подлокотники кресла.

Гадалка всмотрелась в хрустальный шар. Краткое, мимолетное видение, которое предстало перед ее взором минуту назад, было совершенно ясным. Как будто она включила крошечный телевизор.... Давно видения не приходили с подобной четкостью. И то, что она увидела в горном хрустале, ей не понравилось. Очень не понравилось...

Бронислава уже почти тридцать пять лет занималась предсказаниями, и она понимала, что это – бизнес, причем бизнес весьма выгодный. Поэтому, обладая подлинным даром и не обманывая клиентов, в отличие от сотен шарлатанов, она твердо знала – никогда не стоит напрямую подавать жуткие, неутешительные новости. Хотя несколько раз, когда она понимала, что человек, сидящий перед ней, обречен на смерть, она не скрывала от него правду. Ей в большинстве случаев не верили, скептически качали головой и, рассерженные, громогласно выражая свое недовольство предсказанием, уходили прочь. Но что она могла поделать – судьбу не переспоришь...

Несколько раз она видела в глубинах шара тяжелую и внезапную болезнь – рак, инсульт, инфаркт. Или катастрофу, в которую попадает клиент. Ей даже довелось однажды спасти человека, упротерев его не лететь на самолете, который, как потом выяснилось, рухнул на землю по причине технической неполадки.

Но то, что Бронислава увидела в хрустальном шаре сейчас, было совершенно иным. Смерть распластала крылья над Олесей, симпатичной, хотя и глуповатой девушкой, которая замерла перед ней в кресле. И это не была внезапная болезнь или несчастный случай. Это было убийство!

Прорицательница со всей четкостью видела ужасную картинку – тело девушки, с подвернутой правой ногой, с руками, вцепившимися в траву, лежащее где-то... Где-то в парке. На ее груди покоится цветок – белая лилия.

Но к чему бы это? Бронислава вздрогнула. Так и есть, она же читала о зверских, непонятных убийствах, которые сотрясали Староникольск незадолго до революции, в 1915 или 1916 году. О них ей рассказывала ее бабка, Бронислава-старшая, которая скончалась в возрасте ста четырех лет и была свидетельницей огромного количества событий.

– Так что же вы видите, скажите, прошу вас, – произнесла Олеся. – Вы не должны скрывать от меня правду.

Девушка права. Бронислава должна предупредить ее. Предсказательница знала: судьбу можно повернуть вспять, ее можно изменить, если очень постараться. Для этого нужно обладать сильной волей и огромным желанием жить. Но обладает ли Олеся, хрупкая русоволосая красавица в коротком белом сарафанчике, подобными качествами?

– Я должна обратиться к картам, – сказала Бронислава. Она знала: хрустальный шар не может ошибаться или обманывать, а карты тем более не подведут. Поэтому она достала колоду, разложила ее по правилам, выработанным ее знаменитой бабкой, и попыталась узнать будущее Олеси.

Так и есть, могущественный враг, любовник, трусливо бросивший девушку, а что значит это?

– Письмо, – провозгласила гадалка. – Ты получила письмо, которое изменит всю твою жизнь!

Олеся съежилась. Проклятое послание, чья-то безвкусная шутка, было при ней. Она никому не рассказывала о нем. О других фактах биографии Бронислава, к примеру, могла узнать от ее тетки, но о письме... Нет, о нем не знал никто – кроме самой Олеси и, разумеется, той персоны, которая бросила его в почтовый ящик.

– Да, я получила письмо, – прошелестела помертвевшими губами девушка. – Скажите, умоляю вас, что это все значит? Когда закончатся мои мучения? И что мне надо делать?

– Бежать, – мрачно проронила гадалка. Она ощутила внезапный приступ резкой головной боли, словно пуля пробила ее череп. Но она не имеет права прервать сеанс. Девушке требуется помощь.

Она перевернула последнюю карту и тотчас прикрыла ее ладонью. Ухмыляющийся скелет с косой. Смерть! Снова смерть, которая поджидает девушку за дверью. Как и хрустальный шар, карты говорили – Олеся обречена на то, чтобы стать жертвой убийства. Убийства, которое произойдет в течение нескольких дней, возможно, даже часов.

– Прошу вас, почему вы мне ничего не говорите, – несколько капризным тоном произнесла Олеся. – Я же пришла к вам, чтобы узнать будущее.

Прорицательница вздохнула. Девушка, безусловно, права. Она должна раскрыть ей правду.

– Ты получила письмо, которое изменит твою жизнь. Это письмо может привести к... к твоей смерти, – хрипло сказала гадалка. – Ты должна быть осторожна.

– Что вы такое говорите, – плаксивым голосом ответила Олеся. Она испугалась по-настоящему. Холод сковал ее. Милое развлечение превратилось в страшный спектакль. – Почему я должна умереть, – сказала Олеся. – Мне же всего двадцать три. Скажите, это будет катастрофа? Или болезнь?

Олеся вспомнила о визите к ней бритоголового, накачанного брата профессорской жены. Тот, перемежая речь матерщиной, заявил девушке, что если она будет продолжать сопротивление, то ей как-то. Неужели этот местный мафиози причинит ей вред?

Бронислава не решалась сказать. Да и как она может произнести это страшное слово «убийство». Бедная девушка, разве она заслужила такую участь!

– Ты не должна ходить в парк, – сказала гадалка. – На тебя могут напасть, и это может закончиться трагически. Пообещай мне это!

Олеся перевела дух. Надо же, ей стоит опасаться темных и безлюдных мест. Всего лишь! Страх, который только что терзал ее, прошел. А Бронислава оказалась комической фигурой. Вот оно что, мелькнула у Олеси мысль, прорицательница пытается выудить из нее лишние доллары. Конечно, сейчас заведет речь о том, что нужно посещать дополнительные сеансы, в ходе которых она избавит от порчи...

Бронислава, заметившая перемену в настроении Олеси, произнесла:

– Ты должна мне верить. Я могу постараться избавить тебя от клейма смерти...

– Спасибо, но мне это не нужно, – веско ответила Олеся. – Я думаю, мне больше у вас делать нечего.

– Постой, – произнесла гадалка. – Я еще не закончила сеанс...

– Зато для меня он закончился, – сказала Олеся. – Всего хорошего!

Она выбежала из темной комнаты, пронеслась сквозь приемную, где, несмотря на поздний час, сидело несколько страждущих, и вышла в августовскую ночь. Олеся была разочарована. Теперь-то она понимала, что Бронислава на самом деле – такая же обманщица, как и те личности, которые дают объявления в бесплатных газетенках об оказании экстрасенсорной помощи. Та же начинка, только уровень повыше. Все было великолепно до того момента, как эта расфуфыренная особа завела разговор о смерти. Олеся не верила, что ей предстояло вскорости умереть. Конечно, когда-то, лет через пятьдесят или даже шестьдесят, в почтенном возрасте, в постели, около которой толпятся скорбящие внуки и правнуки... Но в возрасте двадцати трех лет? О нет! Гадалка намеревалась выудить из нее дополнительные деньги, и это у нее не получилось.

Бронислава, оставшись в кабинете одна, не кинулась за девушкой. Что же, она сделала свой выбор и понеслась навстречу смерти. Каждый волен поступать так, как считает нужным, каждый сам несет ответственность за свои действия...

И за свое бездействие. Она должна была остановить эту дурочку. Девчонка не понимает, что шутить с судьбой нельзя. Ей выпал уникальный шанс – воспротивиться року, остаться в живых, несмотря на то, что Бронислава четко видела в хрустальном шаре безжизненное тело Олеси. Это один из вариантов развития событий, вовсе не обязательный. Но девушка проигнорировала возможность спастись.

Головная боль нарастала. Бронислава, зная, что ее ожидают еще несколько клиентов, приложила пальцы к вискам. Она не в состоянии продолжать сеансы. Придется извиниться и перенести встречи. Ей необходим отдых, чашка зеленого чая и массаж.

– Все в порядке? – спросила невысокая дама, облаченная в желтое платье, появившись в комнате. Ее верная секретарша, Людочка. Без ее организаторских способностей Бронислава давно утонула бы в бумажной работе и не сумела бы выстроить приносящую такой хороший доход сеть клиентов.

– Кажется, нет, – слабым голосом ответила Бронислава.

Людочка покачала головой и сказала:

– Тебе необходим отдых, на тебе лица нет. Я перенесу прием ожидающих клиентов на другие дни. Извинюсь и скажу, что ты заболела. Ты можешь позволить себе отдохнуть. Да и вообще, возьми отпуск, хотя бы неделю, смотайся в Италию или на Канары.

Бронислава слабо отмахнулась. Ей нравился Староникольск, она была истинной дочерью этого небольшого провинциального городка. Куда же она поедет, она не сможет оставить своих клиентов.

– Девчонка вылетела от тебя, как кипятком ошпаренная, – продолжала Людочка, включая бра, которые озарили комнату мягким, рассеянным светом. – Что ты ей сказала, Броня?

– Правду, – ответила прорицательница. – Ничего, кроме правды. Но она, как и большинство людей, не оказалась к ней готова. Девушка отмечена печатью скорой смерти, и я не решилась утаить от нее это. Однако она не поверила мне.

Людмила кашлянула. Она работала с Брониславой больше двадцати пять лет и знала: предсказания Брониславы точны, и объяснения этому нет. Во всяком случае, логичного объяснения. Они начинали в далекие социалистические времена подпольно, в подвале, где был их офис, опасаясь налета милиции. Милиция к ним пожаловала – в виде супруги высокопоставленного милицейского чина Староникольска. Дама желала узнать свою судьбу и боялась, что ее муж проведает о визите к гадалке.

Бронислава увидела, что даме грозит потеря ребенка, она предупредила ее об этом. Та восприняла предсказание в штыки – особе было за сорок, у нее были взрослые сын и дочь, ни о какой беременности она и не помышляла. Однако спустя три месяца милицейская жена едва не умерла, когда у нее случился выкидыш, она даже и не знала, что беременна. Женщину едва спасли, и после этого она снова пожаловала к Брониславе, на этот раз с шикарной коробкой конфет и конвертом, в котором находилась хрустящая наличность. Помимо всего прочего ее благодарность выразилась в том, что дама начала создавать прорицательнице сеть клиентуры.

Во времена, последовавшие за падением коммунистической системы, все изменилось. Людмила, зная, что Бронислава ничего не смыслит в бизнесе, взяла на себя все функции по управлению их небольшим, но крайне рентабельным предприятием.

– Ну что же, это проблемы девушки, если она не хочет смотреть в глаза правде, то пусть ждет, пока будущее нападет на нее из-за угла, – заметила Людмила со смешком. Она давно превратилась в циничную особу, которая не знала, что на самом деле стоит за бесспорным даром Брониславы, и измеряла все в денежном эквиваленте.

– Ты не понимаешь, – тихо и обреченно проговорила гадалка. – Ее должны убить, причем очень и очень скоро. Возможно, даже сегодня. И это видение... Оно не дает мне покоя. Оно так похоже на то, о чем рассказывала мне моя бабка. Помнишь, я упоминала когда-то о так называемых «цветочных убийствах», которые происходили в Староникольске в начале века?

Людмила наморщила лоб:

– Ах, ну да, что-то такое я читала. Об этом шептались, а в музее даже когда-то пытались сделать стенд, посвященный этим событиям, но потом все так и заглохло. Князь... Князь убивал всех, он потом покончил с собой.

– Моя бабка была уверена, что на самом деле не молодой Феликс Святогорский был подлинным безумцем, а кто-то другой, использовавший его как козла отпущения, – сказала прорицательница. – Видение, которое сообщил мне шар, было до крайности похоже на рассказы бабушки. Молодая девушка и цветок на груди.

– Забудь об этом, – сказала Людмила.

Она знала, что Бронислава чрезвычайно впечатлительна и подвержена депрессиям. Поэтому-то она и настаивала на отдыхе. Пусть лучше Броня отдохнет неделю-другую, наберется сил, чем будет отменять сеансы и тем самым уменьшать как свой доход, так и прибыль Людмилы. Бронислава получала много, даже очень много по староникольским меркам, однако львиную долю забирала себе верная Людочка. Финансовыми вопросами Броня никогда не интересовалась, всю бухгалтерию – как белую, так и черную – вела Людмила. Обеих женщин это устраивало.

Бронислава снимала старинный особняк в качестве офиса, построила себе загородный дом, приобрела квартиру в центре городка, у нее имелось две иномарки, масса драгоценностей, а семь кошек питались отборным мясом. Людмила, жившая в тесной квартирке с большой матерью и взрослым сыном, копила деньги. Все бы поразились, узнав, что у Людочки под кроватью находится старый чемодан, набитый пачками сто долларовых купюр.

– Тебя не касаются проблемы клиентов, ты не можешь жить еще и их жизнью, и ты это знаешь лучше меня, – заявила Людмила.

Бронислава покорно кивнула. Людмила, натянув на лицо милую улыбку, отправилась в приемную – извиняться перед клиентами. Гадалка, вздохнув, снова потянулась к картам. Она должна знать... Должна знать, когда же Олеся умрет.

Смерть была завораживающим и, как считала прорицательница, самым значимым событием для каждого из людей.

Она вновь раскинула карты Таро. Ответ пришел моментально, словно кто-то только того и ждал, чтобы сообщить его Брониславе: сегодня! Олеся суждено расстаться с жизнью сегодня. Но как это возможно? До окончания дня оставалось два с половиной часа. Так что же делать?

Она не смогла остановить девушку, и предупредить ее она уже не сможет. И, значит, спасти тоже.

Бронислава погрузилась в горестные мысли. Зачем она обладает даром, если не может помочь людям? Видимо, как и Кассандре, ей суждено испытать недоверие и в некоторых случаях откровенные насмешки над ее прорицаниями.

Но что значит цветок на груди Олеси?

Неужели это возобновление убийств, которые происходили в Староникольске давно, еще до революции? И кто виноват в тех смертях? Князь Святогорский? Но ее бабка была уверена, что это не так... Князь давно мертв, он покончил с собой. Кто же замышляет убийство наивной Олеси?

Она не знала.

Выбежав из особняка, в котором располагался офис прорицательницы Брониславы, Олеся остановилась. Наверное, глупо, что она так бурно отреагировала на слова гадалки. Но кто бы мог остаться невозмутимым, когда тебе предсказывают смерть – причем жуткую смерть от руки убийцы в самом ближайшем будущем.

Олеся перевела дыхание. Взглянула на наручные часики. Почти половина десятого. Уже темнело, звездное небо было затянуто мрачными фиолетовыми облаками. Олеся снова ощутила приступ страха. Ведь Бронислава никогда не ошибается – она сама верила в это. Но если это так... Значит, и ее предсказание насчет насильственной смерти тоже сбудется.

Девушка оглянулась. Общественный транспорт в Староникольске, особенно в ночное время, работал отвратительно. Но и городок был не таким уж большим, в случае необходимости его можно пройти насквозь за полтора-два часа неспешным шагом. Офис гадалки располагался на окраине, около некогда величественного, а теперь заброшенного княжеского дворца и городского парка.

Ей показалось, что за углом здания мелькнула фигура. Нет, иллюзия, расшалившиеся нервы, не более того. Олеся ускорила шаг. Ей действительно стало жутко. Страх, закравшийся в душу, пронзил ее мозг. Она одна на пустынной, похожей на кладбище улице. Ни единой живой души, абсолютно никого. Этим и отличаются небольшие городки – стоит зайти солнцу, как с улиц исчезают прохожие.

Она облегченно вздохнула, когда мимо нее проехал автомобиль, из распахнутого окошка доносилась веселая, зажигательная музыка. Надо же, люди живут и не помышляют о смерти. И она, конечно, тоже! С чего это она раскисла? Да, в последнее время на нее обрушились неприятности, но это не повод для отчаяния. Над профессором она одержала верх, все признали ее правоту. Жалко, что Владик оказался редкостной сволочью – едва она впала в немилость, как возлюбленный тотчас ее бросил. Ну что же, найдет себе другого. Олеся знала, что симпатична, проблем с выбором поклонников у нее не было.

Она проторчала на автобусной остановке около сорока минут, мимо нее пронеслись две маршрутки, набитые пассажирами. Места для нее не было. Ждать автобуса не имело смысла. После десяти эти развалюхи вообще не появлялись, а часы показывали уже четверть одиннадцатого. Придется добираться пешком.

Олеся никак не могла избавиться от назойливого ощущения, что ее кто-то преследует. Она чувствовала на себе пристальный взгляд кого-то затаившегося и жестокого. Внезапно обернувшись, она увидела вдалеке темную фигуру, которая мгновенно нырнула в проулок. Это на самом деле так или только буйство ее воображения? Олеся снова подумала о письме, которое лежало в ее сумочке. Жаль, что у нее нет никакого средства для самообороны. Разве что пилочка для ногтей.

Староникольск – городок тихий, замшелый, преступлений здесь почти не бывает, хотя в последнее время отмечались бесчинства подростковых банд да курсировали невнятные слухи

о таинственной секте, которая якобы приносит в жертву людей. Олеся не то чтобы верила в подобные рассказы, но обещала родителям быть осторожнее.

Девушка, поддавшись внезапному импульсу, бросилась бежать. Так она сможет понять, преследует ли ее кто-то или нет. Пробежав метров триста в темноте, она остановилась и, тяжело дыша, оглянулась. Никого. Так и есть, фигура, которую она приняла за злодея, была на самом деле одиноким прохожим, который, что вполне вероятно, испугался ее саму, как Олеся его.

Она была в парке. Когда-то здесь били фонтаны, стояли удивительно красивые мраморные статуи, и вообще, парк принадлежал княжеской фамилии. Молодой князь из Америки приезжает в Староникольск несколько раз в год. Олеся видела его фото в газетах. Симпатичный и жутко богатый. Хорошо было бы после ее пузатого Влада занять подобного друга. А еще лучше мужа.

За спиной у Олеси хрустнула сухая ветка. Она обернулась. Темная фигура снова маячит неподалеку. Девушка ускорила шаг. Фонарей в парке практически не было, она стремилась вырваться из темноты и оказаться на слабо освещенном пятачке под одним из них. До ближайшего фонаря было не меньше ста метров. Олеся снова побежала.

На этот раз темная фигура бросилась за ней. У Олеси отпали все сомнения – ее преследуют. Паника охватила девушку. Что же делать? Она не знала. Бежать, вот что говорила гадалка совсем недавно.

Олеся попробовала закричать, но из горла вырвался хриплый прерывистый возглас. Боже, неужели Бронислава не ошиблась и эта темная фигура – ее смерть?

Она вылетела к фонарю, замерла. Свет создавал иллюзию безопасности. И в то же время не давал ей всмотреться в густую темноту. Олеся начала всхлипывать. Как же ей хотелось, чтобы все обернулось кошмарным сном, а не реальностью.

Черная фигура бросилась на нее внезапно, как коршун на добычу. Олеся завизжала, пытаясь отбросить от себя нападавшего, и почувствовала легкий укол в руку. Несколько секунд позже она стала терять сознание. Но еще до того, как она провалилась в темноту, из которой возврата для нее уже не было, она ощутила, как что-то обвилось ее шеей.

Нападавший захлестнул на шее девушки странный шарф, выцветший, с изображением лилии. Ему хватило нескольких секунд, чтобы лишить Олесю жизни. Ее тело он бережно опустил на аллею, поросшую травой. В предсмертной агонии руки девушки схватились за траву, которая так и осталась в кулаках. Правая нога жертвы, как видела это в хрустальном шаре Бронислава, была подвернута. Голова повернута набок. Голубые глаза приоткрыты.

Убедившись, что жертва мертва, убийца достал из кармана цветок – белую лилию – и положил на грудь Олеси. Темная фигура, оставив тело на дорожке, под одиноко светящим фонарем, исчезла во мраке.

Начало цепи убийств было положено. Белая лилия опять умерла. Садовник вновь принялся за работу...

7 августа

Алина Полоцкая, звезда российского экрана, воскликнула:

– Ну и дыра же этот Староникольск!

Ее супруг, не менее, чем она сама, известный режиссер Глеб Плотников, приземистый усач лет пятидесяти, только усмехнулся. Он прекрасно знал привычки своей жены. Еще бы, она привыкла к съемкам, которые проходят в Москве, к отдыху за границей, на роскошных курортах. А тут они попали в провинцию, старинный городок Староникольск, расположенный в Ярославской области. Этот городок был провинциальным и незначительным, а ветка железной дороги была подведена только к нефтезаводу, и добираться до Староникольска пришлось на автомобиле. По августовской жаре, несколько часов кряду, это было настоящим мучением. Алина, обмахивавшаяся веером, вся взмокла, и чем выше поднималась температура, тем ледянее становилось ее спокойствие. Глеб прекрасно знал: если его жена сжимает губы и молчит, то это означает одно – она чрезвычайно недовольна происходящим.

Когда же их съемочная группа наконец-то добралась до Староникольска, Алина первым делом заперлась в ванной, откуда появилась через час. Глеб, меланхолично куривший на балконе единственной приемлемой для них староникольской гостиницы, устался на жену. Он не зря сделал свой выбор в пользу Алины. Его бракоразводный процесс с дочерью известного поэта, который состоялся несколько лет назад, стал пищей для желтых газет. Они всю смаковали подробности романа восходящей звезды театра и кино Алины Потоцкой и ее новоявленного супруга, маститого режиссера Глеба Михайловича Плотникова.

Плотников, увидевший Алину в ее первой картине, был сражен наповал ее грацией, талантом и несомненным умом. Он ходил на все спектакли в театре, где она работала. Затем, на одной из тусовок, устроил так, чтобы их представили друг другу. Через месяц он сделал Алине предложение.

Двадцатипятилетняя красотка с гривой темных волнистых волос и изумительными зелеными глазами стала супругой режиссера, старше ее в два раза, лысеющего крепыша с мировым именем. Алина не могла сказать, что испытывает к Глебу чувство безраздельной любви, однако он ей нравился и, в отличие от десятков, если не сотен, ухажеров и приятелей, обладал подлинным могуществом. Алина сделала верную ставку – всего за пять лет она превратилась из мало кому известной актрисы одного из московских театров в звезду российского кино. В первую очередь благодаря Глебу, который поставил и снял для нее за эти пять лет восемь картин и три сериала.

Ее роль в последней картине, «Рожденные, чтобы умереть», была удостоена «Ники», на Потоцкую со всех сторон посыпались восторженные отклики, ей пророчили блестящее будущее. Алина взяла небольшой тайм-аут – она забеременела и, разродившись здоровым и крепким мальчиком, которого нарекли Глебом, еще больше привязала к себе супруга-режиссера. Те, кто не любил звездную пару, а таковых было почти такое же количество, как и фанатов Алины с Глебом, за глаза с сарказмом именовали их «Дабл-Пэ» – двойное Пэ, намекая на то, что фамилии Алины и Глеба начинались на одну букву. Однако за этим прозвищем стояло большее – Плотников принципиально снимал жену во всех картинах, которые производила его киностудия, они удачно дополняли друг друга – невозмутимый, флегматичный Глеб и искрящаяся, холеричная Алина.

– Слава богу, что в этом Старо... как его там, в гостинице есть горячая вода. Удивительно по нынешним временам, – томным голосом произнесла Алина, завернувшись в тонкий шелковый халат фиолетово-розоватых расцветок. – Ну что же, теперь я чувствую себя пришедшей в чувство, дорогой.

– Я уже позвонил в Москву, – сказал Глеб, – у Глебушки все в порядке.

Они наняли великолепную гувернантку, и, помимо этого, мать и старшая сестра Алины взяли на себя функции воспитателей сына Потоцкой и Плотникова.

– Я, конечно же, предполагала, что Староникольск не Москва, но что это такая провинция... – протянула Алина. – Глеб, мы обязательно должны снимать сериал здесь?

– Ты же знаешь, что этого не избежать, – ответил Плотников.

Он улыбнулся в усы. Его супруга напрочь забыла о том, что и сама-то не была коренной москвичкой, а появилась на свет в подмосковном городке, до ужаса похожем на Староникольск. В возрасте шестнадцати лет, сразу после окончания школы, она сбежала из ненавистной малой родины и отправилась искать счастья в Москву. Ей повезло – она поступила в театральный институт с первого раза.

– Ну что же, – вздохнула Алина и уселась на софу. – Ничего не поделаешь. Но, Глеб, постарайся, чтобы наше пребывание в Староникольске не затянулось.

Муж обнял Алину, нежно поцеловал и прошептал:

– Обещаю тебе, как только съемки закончатся, мы отправимся во Францию. Ты ведь ничего не имеешь против Лазурного берега?

– О, я так хочу в Канны! – воскликнула Алина. – Мы ведь попадем туда?

– Ну да, мы обязательно окажемся там, – ответил ей супруг. – А теперь нам необходимо работать, Аля. Ты же знаешь, съемки начнутся буквально послезавтра.

Алина вздохнула. Ей было не привыкать к бешеному темпу, который был характерен для Глеба. Возможно, поэтому-то она и дала согласие на брак. Она знала, что он до безумия ее любит и готов горы свернуть ради нее.

Его проект под названием «Колдовские хроники» и привел их в Староникольск. Они собирались снять новый сериал, который должен явиться вехой в российском сериальном бизнесе. В сериале действие происходило как в конце восемнадцатого века, так и в наше время, и разыгрывалось в маленьком русском городке. Мистика, любовь, романтика, детектив – все переплелось в «Колдовских хрониках». Алине надлежало играть обеих главных героинь – Анастасию в наше время, молодую выпускницу исторического факультета, которая решила заняться хрониками своего городка, и Марию, красавицу, которую сожгли на костре в восемнадцатом веке, обвинив в колдовстве. Алина знала, что Глеб обладает потрясающим чутьем. Сериал обязательно станет хитом, музыка для него была заказана лучшим композиторам, над созданием костюмов для ушедшей эпохи трудились лучшие костюмеры и дизайнеры. Алина не сомневалась, что «Колдовские хроники» получат «Тэфи» как лучший сериал года. Однако сама Алина хотела большего. Она втайне надеялась, что рано или поздно Глебу удастся создать шедевр, который можно будет показать за границей, и тогда она выйдет на международный уровень.

– Дорогая, мы начинаем со сцены в монастыре, – сказал Глеб, докурив сигарету. – Договоренность уже существует, но мне сейчас необходимо съездить туда и уладить все формальности. Да и ребятам нужно заняться освещением. У нас крайне мало времени. Ты сама понимаешь, сериал должен пойти в прокат в конце осени или в самом начале зимы, до Нового года. Иначе наш сериал не сможет номинироваться на «Тэфи», и придется ждать еще год.

– Мы успеем, – сказала Алина. Она знала – если Глеб ставил перед собой цель, то достигал намеченного.

– Поэтому тебе придется на какое-то время остаться одной, – сказал Плотников, вновь целуя жену. – Я поеду в монастырь. У нас еще есть время сегодня...

Алина осталась в одиночестве. Они занимали самый шикарный и дорогой номер местной гостиницы. Увидев невысокое здание из бетона, Алина закусил губу. И ей предлагалось жить здесь! Номер состоял из трех комнат, с японским телевизором, хрипящим кондиционером и на удивление хорошо обставленной ванной комнатой. Эта гостиница оказалась лучшей из всех, которые имелись в Староникольске. Здесь был даже фитнес-центр и бассейн!

За полтора месяца они сумеют снять весь сериал. Затем поедут в Москву, чтобы заняться монтажом и озвучанием. А потом... Глеб обещал, что после всего они полетят на Лазурное побережье. Канны, пальмы, белоснежная лестница с красным ковром – вот предел мечтаний Алины. Ну что же, когда-то настанет и ее время. Она это знала.

Потоцкая уселась перед большим зеркалом, расставила перед ним батальон баночек с кремами, пузырьков с парфюмом, больших и маленьких коробочек. Сегодня, в одном их местных ресторанов, ее большой выход. И пусть эти провинциалы увидят ее во всем великолепии. Даром, что ли, она прихватила с собой восемнадцать чемоданов с одеждой.

Алина принялась колдовать над своей внешностью. Она не хотела ехать в Староникольск и еще по одной причине, о которой Глебу знать вовсе не обязательно. Здесь когда-то жили ее родственники... Но это давняя и нехорошая история. Глеб расстроится, если узнает об этом. Она притворилась, будто и понятия не имеет, что это за город, и названия его не помнит. Потоцкая редко обманывала мужа, только в случае необходимости – Глеб обладал поразительным чутьем на неправду. Но это как раз тот случай, чтобы утаить от Глеба истину.

Алина гордилась собой. Ей удалось одурачить мужа. Недаром же она была лучшей российской актрисой!

10 августа

Юлия с любопытством посмотрела на небольшую церквушку, которой, по всей видимости, было никак не меньше трехсот лет. Надо же, какой раритет! Староникольск походил на декорации к фильму про Древнюю Русь – такой же маленький, буквально кукольный, полный старинных зданий и приветливых жителей.

Крестинина только что вышла из автобуса, который доставил ее из Ярославля в Староникольск. Пришлось три с половиной часа провести в духоте и жаре, зато у нее была возможность еще раз ознакомиться с архивом бабушки, который она разыскала на подмосковной даче.

Она сумела откопать на антресолях старую сумку, забитую пожелтевшими бумагами, принадлежавшими ее бабке. Юлия и не знала, что ее бабушка, дочь бесследно исчезнувшей в Староникольске Анны Радзивилл, так живо интересовалась судьбой своей матери. В папке она нашла вырезки из газет, в которых сообщалось об исчезновении звезды немого кино Анны Радзивилл. Юлия и не представляла, что ее прабабка была такой популярной. Примерно как Алина Потоцкая, которая не так давно прибыла в Староникольск, чтобы вместе с мужем, известным режиссером Глебом Плотниковым, начать съемки нового телесериала.

Юлия поразились, когда впервые увидела фотографии Анны. Она была чрезвычайно похожа на прабабку. Не то что похожа, она была ее копией. Природа любит подобные шутки.

Архив настолько захватил Юлию, что она, усевшись на полу дачного коттеджа, несколько часов перебирала пожелтевшие листы и знакомилась со всем, что произошло задолго до ее рождения. Анна снялась в двенадцати фильмах, а учитывая, что кинематографу в то время было всего несколько лет, это было впечатляющей карьерой. Она была четыре раза замужем, у нее имелась дочь – бабушка Юлии, родившаяся незадолго до того, как Анна приняла роковое решение отправиться в Староникольск для съемок фильма. Фильм был посвящен вампирам. Действие разворачивалось не в Трансильвании, а в России, требовался соответствующий антураж. Выбор режиссера пал на Староникольск.

Фильм был практически завершен, когда Анна исчезла. Он так никогда и не вышел на экран – сначала возникла суматоха из-за исчезновения Радзивилл, потом грянула революция, за ней еще одна, и затем стало не до фильма. Он, насколько знала Юлия, хранился где-то в архивах Госфильмофонда. Хорошо бы увидеть его...

Анна Радзивилл, как узнала Юлия из тщательно собранного бабкой архива, была вовсе не единственной жертвой таинственных событий, потрясших Староникольск летом и осенью 1916 года. Помимо нее исчезли еще четыре девушки, причем три из них – задушенные кем-то неизвестным – были обнаружены в городке. На теле каждой из жертв покоился цветок, что и дало пищу для слухов. Серию убийств окрестили «цветочными убийствами», а таинственного маньяка – Садовником. Юлия сразу же вспомнила: автор анонимного письма, подписавшийся как «Ваш Друг», заклинал ее – нужно опасаться Садовника.

Обстановка в Староникольске, как понимала Юлия, была накалена до предела. Предреволюционные события смешались с ужасом, который излучали нераскрытые убийства. Полиция старалась вовсю, из Петрограда был командирован следователь с особым заданием от министра внутренних дел – как можно быстрее изловить «цветочного убийцу» и предать его суду. Эта миссия провалилась – следователь и сам стал жертвой непонятного несчастного случая.

Злые языки тотчас сообщили, что это на самом деле месть убийцы, потому как следователь вплотную приблизился к разгадке «цветочной» тайны, был готов схватить нелюдя, и тот нанес последний смертельный удар. Тот факт, что следователь был найден мертвым после серьезного разговора, перешедшего в скандал, который он имел с молодым князем Феликсом Святогорским, сразу же позволил кое-кому сделать вывод: убийца именно Феликс-младший.

Юлия почувствовала, что события почти девяти столетней давности захватывают ее. Но каким образом она сможет проникнуть в тайну тех лет? Прошли десятилетия, свидетелей не осталось, нет никаких источников информации, все следы давно исчезли. И все же она не отказалась от затеи поехать в Староникольск. Если с ее ретроспективным расследованием ничего и не получится, то у нее будет возможность оправиться от всех неприятностей и обдумать последующие шаги. Впрочем, Юлия постепенно приходила к выводу, что единственно верный шаг – подать заявление об уходе по собственному желанию, пока директор института не вышвырнул ее с ужасной формулировкой. Но пока он расслабляется с очередной любовницей за счет бюджета института на пляже, у Юлии есть время забыть о нем.

Бабушка делала кое-какие заметки, кроме того, ей удалось несколько раз побывать в Староникольске и опросить людей, которые помнили о деле «цветочного убийцы». Это произошло в середине пятидесятых, с момента исчезновения Анны прошло почти сорок лет, однако бабушка сумела кое-что выяснить.

Об убийствах помнили, хотя и говорили о них шепотом. Людская молва обвиняла в смертях молодого князя, который покончил с собой. Старый князь, поспешно прихватив вдову-невестку и только что народившего внука, бежал за границу.

Однако бабушка, судя по ее записям, не была так уж уверена в виновности молодого Святогорского. Но почему? Бабушка отвергала мысль о том, что Феликс-младший убил Анну, которая, и это не вызывало ни малейших сомнений, была его любовницей. Кто же в таком случае скрывался под личиной Садовника?

Староникольск, как гласила статья в энциклопедии, был впервые упомянут в 1092 году. Городок обладал удивительной историей. Несколько раз войска татаро-монгольских завоевателей сжигали его и сметали с лица земли, и каждый раз трудолюбивые жители восстанавливали Староникольск. В шестнадцатом веке на речушке Тишанке, которая протекала через город, был основан знаменитый мужской Староникольский монастырь. Его закрыли сразу после революции и возродили не так давно. Монастырь славился своими колоколами.

В городке, который, как казалось, отличался набожностью, гнездились зло. Из Староникольска происходила одна из невест Ивана Грозного, так и не ставшая женой царя, потому что ее заподозрили в желании опоить властелина ядом и навести на него порчу – бедную девушку по приказу тирана сковали цепями, закатали в просмоленную бочку и бросили в Волгу с высокого утеса. Невеста была из рода князей Святогорских, отметила для себя Юлия.

В середине девятнадцатого века в Староникольске была совершенно случайно раскрыта секта вероотступников, более известная как Секта Тринадцати. Главари секты, учителю местной гимназии, удалось избежать наказания и скрыться в неизвестном направлении. Говорили, что еретичество полностью искоренено не было, и сектанты тайно продолжают свою деятельность, затаившись в глубоком подполье.

В городке, как говорилось в энциклопедии, было великое множество церквей и садов. Юлия убедилась в этом лично – едва она сошла с подножки автобуса, как увидела древнюю церковь. Здесь же располагался и дворец княжеского рода Святогорских, а также огромный парк и комплекс фонтанов. Правда, что касалось дворца и парка, то от них мало что осталось.

Юлия медленно шла по булыжной мостовой, везя за собой чемодан на колесиках. Она заранее заказала себе номер в одной из гостиниц. Цены оказались вполне приемлемыми. Она сможет позволить себе провести в городке две, даже три недели. А что будет потом, она еще не знала.

Староникольск поразил ее отсутствием суеты и неспешным течением жизни. На игровой площадке резвились дети, на лавочке сидели и шептались кумушки, которые бросали заинтересованные взгляды на элегантно одетую Юлию, а в особенности на ее громахающий по мостовой чемодан, купленный когда-то в Австрии.

Юлия хотела взять такси, но потом раздумала. До гостиницы под названием «Советская» было совсем недалеко, она лучше прогуляется и ознакомится со Староникольском. С городком, где была убита, если верить автору анонимного послания, ее прабабка Анна. Впрочем, и ее бабушка не сомневалась в том, что ее мать пала от руки «цветочного убийцы».

Крестинина помнила – из пяти жертв были обнаружены тела только трех. Это значит... Это значит, что тело ее прабабки, вполне возможно, погребено где-то здесь. Ее взгляд замер на парковом комплексе. Например, под таким же раскидистым и мощным деревом.

Внезапно Юлия ощутила непонятный страх. Городок, такой милый и уютный, похожий на картинку в детской книжке, вдруг испугал ее. Чего же она боится? Юлия не могла сказать. Вряд ли чего-то определенного, скорее всего, в воздухе, палящем и сгущающемся, разлито непонятное чувство тревоги.

И страха! Да, местные жители тоже чего-то боятся, это видно по их глазам. Но чего боятся эти люди? Староникольск, уютный, приторно-сладкий городок-леденец, в котором никогда и ничего не происходит... Но разве это так? Серия убийств в 1916 году опровергает это полностью. Здесь кипят такие же страсти, как и везде. И Юлия вдруг поняла – если она разворошит спящее осиное гнездо, это может привести к непредсказуемым последствиям. Разве она имела на это право?

Но и уехать отсюда через полчаса после того, как оказалась в Староникольске, Крестинина не собиралась. В конце концов, она решила отдохнуть, и кто ей запретит сделать это именно в Староникольске?

Юлия вдруг поняла, что заблудилась. Пока она предавалась размышлениям, ноги занесли ее совсем в другую сторону. Молодой мужчина, к которому она обратилась за помощью, оказался очень любезен. Он не только объяснил, как добраться до гостиницы, но вызвался лично проводить Юлию, взявшись за ручку ее чемодана.

– Вам требовалось свернуть не направо, а налево от церкви Вознесения, – сказал ее попутчик. – Гостиница располагается здесь, всего в двух кварталах.

– Спасибо вам, – поблагодарила его Юлия.

Молодой человек расплылся в улыбке.

– Вы приезжая, – с любопытством произнес он. – Меня зовут Денис, разрешите пригласить вас сегодня вечером, если вы свободны...

Крестинина, не готовая к такому моментальному развитию отношений, покачала головой:

– К сожалению, у меня все дни заняты. И вечера тоже.

– Жаль, – вздохнул Денис. – Вы же наверняка из Москвы. И наверняка из команды Глеба Плотникова. Приехали снимать фильм? Кое-кто этим очень недоволен, наш городок станет фоном для убийств и кровавых событий. Нам и так хватает того, что было.

Юлия оказалась около пятиэтажного бетонного здания с горделивой вывеской «Гостиница «Советская». Да, накануне отъезда она читала в «Комсомольской правде», что Глеб Плотников, знаменитый режиссер, собирается снимать в Староникольске фильм. И наверняка с Алиной Потоцкой в главной роли.

Молодой человек не обманул – всегда сонная и малообитаемая в это время года, гостиница буквально кипела энергичными людьми, членами команды Плотникова. Юлия, сумевшая протиснуться к окошку администратора, назвала свое имя.

Администраторша, дама лет сорока с рыжими выющимися волосами и массой золотых украшений, протянула ей формуляр. Юлия вздохнула с облегчением – она правильно сделала, что заказала номер заранее, иначе вряд ли бы смогла получить комнату.

– Прошу вас, – администраторша протянула ей ключ, прикрепленный к огромной деревянной грушевидной бирке. – Ваш номер 409, на четвертом этаже по коридору направо. Желаю хорошего пребывания в нашем городе!

Юлия оказалась в лифте с несколькими гогочущими бородачами, которые, судя по разговору, были подручной силой в команде Глеба Плотникова. За пятьдесят секунд, в течение которых скрипучая кабина лифта медленно поднималась на четвертый этаж, они успели сделать Юлии массу комплиментов и поинтересоваться ее планами на вечер.

Крестинина, которая приехала в Староникольск отдохнуть и заняться давнишней детективной историей, во второй раз за пятнадцать минут ответила отказом.

– Ну ничего, мы умеем ждать, – заявил один из бородачей, и его приятели поддержали эту фразу гомерическим хохотом.

В руках у ребят были бутылки пива. Юлия подумала – а знает ли режиссер о намерениях его сотрудников предаться пороку Бахуса? Ответ на ее вопрос пришел незамедлительно – едва двери лифта распахнулись, как она столкнулась лицом к лицу с самим Глебом Михайловичем Плотниковым, которого видела до этого на фотографиях в газетах и с телевизионного экрана.

Режиссер, облаченный в белые полотняные штаны, черную майку и бейсболку с надписью «Колдовские хроники», любезно помог Юлии выбраться из лифта и страшным тоном обратился к притихшим бородачам:

– Напиваемся перед напряженным рабочим днем? По-моему, я четко сказал, что на съемочной площадке и в гостинице царит абсолютный сухой закон. Бутылки сюда, соколки, – и по номерам, причем без баб! Еще один такой инцидент, и отправитесь в Москву ближайшим автобусом. Безработными!

Видимо, слова Плотникова являлись для бородачей абсолютным и непререкаемым законом, потому что, не успела Юлия дойти до комнаты, как их и ветром сдуло. Юлия, улыбнувшись, повернула ключ в замке и вошла в свой номер.

Он оказался маленьким, но на удивление уютным. Крестинина приняла душ и, даже не спустившись к ужину, легла спать. Она утомилась, последние ночи прошли для нее без сна, поэтому, оказавшись в постели, она мгновенно провалилась в сон.

11 августа

Она проснулась около одиннадцати утра на удивление свежей и бодрой. Проблемы, которые терзали Юлию, теперь казались смешными и незначительными. С аппетитом позавтракав, она решила совершить небольшую экскурсию по Староникольску. Итак, она прибыла сюда, чтобы участвовать в расследовании. Но с чего же начать? Она даже немного растерялась.

День был солнечным и теплым. Облачившись в тонкое шелковое платье, Юлия отправилась гулять по Староникольску. Она миновала церковь, расположенную около гостиницы, и вышла на центральную магистраль Староникольска – проспект Кирова.

В Староникольске было несколько крупных магазинов. Юлия зашла в них. Выбор не такой уж богатый, но и цены вполне приемлемые. Она купила открытки с видами Староникольска и попросила, если есть, карту города. Таковой в продаже не оказалось.

Она брела по улице, ни о чем не думая. С обеих сторон возвышались одно– или двухэтажные здания, в основном жилые дома и магазины. Церквей в городке на самом деле было большое количество.

Юлия замерла перед зданием из красного кирпича с вывеской «Краеведческий музей Староникольска». Надо же, имеется и подобное заведение. Не пожалев десяти рублей, она купила входной билет.

Похоже, она оказалась чуть ли не единственной посетительницей. Юлия шла по пустынным залам, в которых находились экспонаты, повествующие об истории Староникольска. Такой маленький городок, а почти на полвека старше Москвы.

– Ее нашли в парке, удушенной, – донесся до нее взбудораженный женский голос. – Ты и не представляешь, какой ужас! А на груди... Нет, ты только подумай, белая лилия!

– Не может этого быть, – ответил другой голос. – Это что, повторение тех самых убийств?

Юлия на цыпочках подкралась к двери, за которой две незнакомые ей женщины вели беседу. Они явно говорили о чем-то интересном. Однако ее шаги в зале, усиленные эхом, были услышаны. Разговор мгновенно стих. Юлия прошла в следующий зал.

Две пожилые женщины, смотрительницы музея, с подозрением уставились на единственную посетительницу. Словно по команде, они переглянулись и поджали губы. Одна из них осторожно кашлянула. Юлия сгорала от любопытства. Судя по тем словам, которые она услышала, женщины вели речь об убийстве. Лилия на груди...

Дамы демонстративно молчали, поэтому Юлия, бегло осмотрев несколько витрин с древними черепками, перешла в следующий зал. Смотрительницы возобновили разговор, однако до Крестининой долетало только журчание их слов, смысла она не понимала. Жалко, ей так хотелось бы остаться и принять участие в обсуждении животрепещущей темы. Но что поделаешь...

В последнем зале, посвященном предреволюционной истории городка, Юлия замерла перед стендом с фотографиями. С одной из них, в огромной шляпе и держа не менее массивный зонтик, на нее смотрела ее прабабка, Анна Радзивилл. Подпись под изображением гласила «Культурная жизнь Староникольска отличалась разнообразием и насыщенностью. На фото – известная актриса немого кино А. И. Радзивилл (июль 1916 года)».

Надо же, фотография сделана незадолго до исчезновения Анны. Юлия всмотрелась в снимок. Она действительно удивительно похожа на прабабку. Словно они были родными сестрами.

– А вы так похожи, – раздался позади нее грудной женский голос.

Юлия обернулась, отступив от витрины, и едва не налетела на высокую женщину, облаченную, несмотря на жару, в плотный твидовый костюм темно-синей расцветки. Даме было на вид чуть за пятьдесят, однако она поражала своей грацией и апломбом.

Седые, тщательно уложенные в прическу волосы, подведенные темно-карие глаза, легкий макияж. У дамы была хорошая фигура. Тонкую шею украшала золотая цепочка с крошечным слоником.

Дама, приветливо улыбнувшись, достала из нагрудного кармана очки в стальной оправе, водрузила их на нос и, склонившись перед стендом, провозгласила:

– Не может быть, чтобы вы не были родственницей Анны Ильиничны. Вы – ее копия.

Юлия растерянно улыбнулась. Надо же, ее инкогнито раскрыли. Вообще-то она хотела, чтобы никто не знал о ее пребывании в Староникольске, но что теперь сделаешь. Отрицать очевидное было бессмысленно – несмотря на абсолютно различные эпохи, Анна и ее правнучка Юлия как две капли воды походили друг на друга.

Дама ободряюще улыбнулась и произнесла:

– Добрый день. Прошу прощения, что так налетела на вас и сбила с толку. Однако я столько раз всматривалась в это фото, – она указала изящной рукой без единого кольца или перстня на черно-белое поблеклое изображение Анны Радзивилл, – что не могла не удержаться от замечания, когда увидела вас. Бедная Анна, такая трагическая судьба... Кстати, разрешите представиться, Виктория Карловна Олянич, директор этого милого заведения под названием «Краеведческий музей».

Она протянула Юлии руку. Рукопожатие Виктории Олянич оказалось твердым, а рука – теплой. Юлия сразу почувствовала расположение к этой даме. Та внушала доверие, от нее веяло оптимизмом.

– Вы правы, – произнесла она. – Меня зовут Юлия Крестинина, и я правнучка Анны Радзивилл.

Директриса, продолжая улыбаться, всмотрелась темными глазами в ее лицо и сказала:

– Дорогая Юленька, вы уж извините, что называю вас так, однако я сразу испытала к вам материнские чувства... Вы же не ответите мне отказом, если я предложу вам выпить чашечку чая – или кофе, что вы предпочитаете?

– Не отказалась бы от чего-нибудь прохладительного, – ответила Юлия.

Виктория заразительно засмеялась, обнажив идеально ровные белые зубы, и произнесла:

– О да, конечно же, в городе стоит такая жара. Поверьте моему опыту, я провела в Староникольске почти всю свою жизнь, такая аномалия, как тридцатипятиградусная жара, скоро пройдет. Буквально на днях обещали резкое похолодание. Во всяком случае, будем надеяться, что завтрашний праздник, который устраивает молодой князь по поводу закладки фундамента нового дворца, не будет отменен или перенесен из-за ливня или бури. Вы правы, у меня в холодильнике есть очень вкусный вишневый компот. Надеюсь, вы не откажетесь?

Юлия не отказалась. Директриса, уверенно стуча каблуками туфель, проводила ее на второй этаж, в свой кабинет с золоченой вывеской: «В. К. Олянич, директор». Обстановка в кабинете была на удивление спартанской – белые стены, сплошные шкафы из темного дерева, забитые бумагами. Над столом, где возвышался старенький компьютер и матричный принтер, Юлия заметила три картины.

Одна из них изображала вид Староникольского мужского монастыря – величественное каменное здание с куполами и звонницей на берегу небольшой, заросшей камышом реки. На другой можно было заметить парк с грандиозным дворцом. На третьей была изображена женщина лет сорока в темном платье моды начала двадцатого века, с высокой горловиной, сколотой затейливой камеей. Дама до чрезвычайности походила на саму директрису – такое же холеное, умное лицо и темные глаза. На носу неизвестной красовалось пенсне, придававшее даме ученый вид.

Заметив интерес Юлии к портрету, Олянич, включившая чайник, сказала:

– Теперь вы задаетесь вопросом, кто же это. Моя бабушка, Елена Карловна Олянич. Знаменитая в нашем городе ученый, естествоиспытатель, первый директор организованного ею же краеведческого музея.

– Удивительно красивая женщина, – сказала Юлия совершенно без лести. Как и ее внучка, Елена Карловна Олянич излучала уверенность в собственных силах и спокойствие.

– Благодарю, – ответила Виктория, доставая из холодильника кастрюльку. – Вот, попробуйте мой компот. Все говорят, что чрезвычайно вкусный. Для сотрудников музея я, собственно, его и готовлю. Я сама, как и моя бабушка, – она кинула в сторону портрета, – предпочитаю кофе. Вы не возражаете, если я закурю? Признаюсь, позволяю себе в день три сигареты – с утра, в обеденный перерыв и перед сном. Знаю, это так вредно, но что поделаешь, плохие привычки всегда одерживают верх.

Компот оказался и на самом деле очень вкусным. Юлия моментально наполнила вторую кружку и так же быстро опустошила ее. Олянич, затянувшись сигаретой с ментолом, отхлебнула обжигающий черный кофе.

– Ну, признавайтесь, какой ветер занес вас в Староникольск?

Юлия не решилась врать. Виктория Карловна производила на нее впечатление строгой, но справедливой, абсолютно все знающей учительницы. Такая в два счета раскусит, если человек говорит ей неправду. Чувствуя себя, как плохо подготовившаяся школьница на экзамене, Юлия ответила:

– Я приехала сюда, чтобы... Вы будете долго смеяться, уважаемая Виктория Карловна, я приехала сюда, чтобы выяснить, что же произошло с моей прабабушкой, Анной Радзивилл.

Олянич, не выразив ни тени удивления, отпила крошечный глоток кофе и сказала назидательным тоном:

– Великолепно, Юленька! Деточка, мне послало вас провидение, иначе я объяснить ваше появление в нашем городке не могу. Я и сама ужасно заинтригована всей этой историей, которая произошла в нашем тихом городке чуть ли не сто лет назад. И как я вас понимаю...

Юлия, чувствуя к Виктории Карловне симпатию и абсолютное доверие, выложила ей всю историю про анонимное письмо, которое, достав из рюкзака, и продемонстрировала. Олянич, снова надев очки, внимательно его изучила, нахмутив брови.

– Такое впечатление, что написал его ребенок... Или кто-то под диктовку неизвестного лица, – вынесла она собственное заключение. – Ну что же, Юлечка, могу вас поздравить, своей персоной вы пополняете ряды детективов-энтузиастов. Пейте компот, я же вижу, что вам нравится. Кстати, хотите перекусить?

Юлия не отказалась. Через десять минут перед ней была тарелка с зелеными щами, салат из свежих овощей и шкворчащая яичница, которую внесла в кабинет директрисы одна из кумушек, чью беседу Крестинина ненароком подслушала в стенах музея. На этот раз, явно раболепствуя перед Викторией Карловной, смотрительница улыбалась.

– Ешьте, вы на редкость отощавшая особа, – приказала Олянич, и Юлия, следившая за своим питанием, в особенности за его калорийностью и содержанием жиров, плюнула на все и набросилась на вкусный обед.

– Виктория Карловна, – с набитым ртом проговорила Крестинина, уплетая первое. – А о чем говорила дама, только что вышедшая из кабинета, со своей подругой, может быть, вы в курсе? Они вели речь, как мне показалось, о серии убийств, «цветочных убийств». Вы же понимаете, о чем я. Девушка с лилией на груди...

Тяжело вздохнув, Олянич потянулась к пачке сигарет, но затем отдернула руку.

– Я не понимаю, что происходит в нашем маленьком Староникольске, – сказала она с грустью. – Если бы неделю назад меня спросили, что представляет собой Староникольск, то я бы ответила – тишайшая провинция в лучшем смысле этого слова, в которой нет места для насилия и страха. Но все изменилось несколько дней назад. Конечно, вы не можете об этом

знать, вы же приехали вчера... И газеты местные вы наверняка не читали. Пять дней назад в городском парке, под одиноким фонарем, было обнаружено тело студентки. Кажется, девушку звали Олеся. Она была убита. Наш городок не исключение из правил, в нем тоже живут люди со своими страстями и тайными желаниями. У нас есть и наркоманы, и, говорят, непонятная секта. Однако Олеся была удушена, а на груди у нее покоилась белая лилия...

Виктория Карловна помолчала, а затем продолжила:

– Похоже, кто-то решил возобновить серию убийств, потрясшую Староникольск в 1916 году. Тогда погибло пять женщин. Как минимум пять, в том числе ваша прабабка и моя бабка...

– Да что вы, – ахнула Юлия. – Вот это да! Елена Карловна... – она взглянула на портрет. – Но я читала газеты тех времен, там не было упоминания о жертве с фамилией Олянич, ведь вашу бабку звали именно так?

– Вы правы, деточка, – директриса вновь включила чайник. – Жертв было пять, три тела нашли, два – так и нет. В том числе тело вашей прабабки, знаменитой Анны Радзивилл. Моя бабушка, Елена Карловна, была в Староникольске начала двадцатого века душой прогресса. Еще бы, она окончила университет, не в России, а за рубежом, в Геттингене, увлекалась археологией, физикой, историей, биологией. Основала и возглавляла этот музей. Вплоть до своей смерти. Официальная причина ее смерти, которая произошла в начале октября 1916 года, – несчастный случай. Но я не верю в это, Юленька! Моя бабка, я в этом убеждена, была хладнокровно лишена жизни тем самым человеком, который уничтожил четырех девушек.

Олянич смолкла, налила себе в чашку кипятка, размешала содержимое и продолжила: – Моя бабка пыталась самостоятельно расследовать «цветочные убийства» и, как мне кажется, вплотную подошла к разоблачению зверя, который занимался смертоубийствами в Староникольске.

– Но ведь убийца вроде бы известен, это молодой князь Феликс Святогорский, – сказала Юлия.

Олянич махнула рукой:

– В это верят только детишки и старые бабуся на скамейке. Феликс невиновен, я в этом уверена! На него свалили все грехи, а поспешное бегство его отца с невесткой и крошкой-внуком только усилило ненависть, которую испытывали жители к Святогорским. Кто-то решил, что Феликс – самая подходящая кандидатура в убийцы. Он же покончил с собой, а значит, не может защищаться. – Моя бабка вела дневники, в которых подробно описывала ход расследования и атмосферу, царившую в Староникольске тем летом и осенью, – продолжала директриса. – Увы, в моем распоряжении находится только первая часть, а существуют еще две или три части. Где они, я могу только догадываться...

– Значит, ваша бабушка тоже стала жертвой убийцы, – протянула Юлия. – Невероятно, Виктория Карловна... Этот человек совершил столько убийств и вышел сухим из воды? Но если не князь, то кто?

– Именно это я и пытаюсь выяснить в течение уже многих лет, – произнесла горьким тоном Олянич. – Поэтому я и выбрала стезю историка, поэтому и приняла предложение возглавить музей. Впрочем, особого выбора у меня не было. Мой отец, Карл Степанович, возглавлял музей сорок один год, после его смерти бразды правления переняла я. Папа также пытался выяснить правду, но у него ничего не получилось. Да и времена, сами понимаете, были совершенно иные. При советской власти было запрещено говорить о «цветочных убийствах», было приказано верить, что убийца – молодой князь.

В этот момент дверь в кабинет распахнулась, на пороге возник тощий субъект, облаченный в темные штаны и зеленую рубашку, украшенную неуместной черно-белой бабочкой. Человеку, без стука вошедшему в кабинет директрисы, было лет пятьдесят. Худое крысиное личико, мелкие желтые зубы, злобные глазки, гневно сверкающие за стеклами очков без оправы.

Потрясая сухонькими, покрытыми пигментными пятнами ручками, субъект, за спиной которого прыгала смотрительница, причитая, что входить к Виктории Карловне нельзя, произнес:

– Вика, на этот раз ты перешла все границы! Твоя мерзопакостная статейка лишена всякого смысла. Если я раньше хотя бы уважал тебя как человека, закончившего университет, то теперь я понимаю – ты ничтожество, ты ноль, ты такая же провинциальная клуша, как и твоя бабка.

Виктория Карловна с полуулыбкой выслушивала претензии гневливого посетителя. Когда он выдохся и сделал паузу, она заметила полным горделивого спокойствия тоном:

– Валерий Афанасьевич, не кипятитесь! Мне известно, что вы уже двадцать лет завидуете тому, что я, а не вы, стала директором музея. Поэтому ваши нападки на мое рассмотрение некоторых аспектов средневековой истории нашего города обусловлены личными, субъективными мотивами. И вообще, Валера, попрошу тебя удалиться!

– Я и не собираюсь задерживаться в этом вертепе! – провозгласил Валерий Афанасьевич и, обдав Юлию взором, полным презрения, хлопнул дверью перед самым носом смотрительницы, пытавшейся вытолкать его прочь.

– Прошу прощения, – начала смотрительница, открывая дверь, но Олянич отпустила ее кивком головы. – Вы имели честь, деточка, познакомиться с Валерием Афанасьевичем Почепцовым, моим, так сказать, конкурентом и бывшим женихом. Теперь я ежедневно ставлю свечку в соборе, что господь уберет меня от опрометчивого шага и я не стала супругой этого стервозного и закомплексованного типа. С тех пор, как я дала ему отставку, он и возненавидел меня, его ненависть только возросла, когда меня утвердили в должности директора музея, хотя он, тогда кандидат наук, считал, что именно он имел полное право возглавить это заведение. Может быть, это и так... Его гнев вызвала моя последняя статья в научном сборнике трудов, который вышел в издательстве местного университета, где я в пух и прах раскритиковала его взгляды. Согласна, я была в чем-то не права, сгустила краски и так же, как и он, перешла на личности, но Почепцов мне неприятен.

Юлия, которая видела Валерия Афанасьевича мельком, придерживалась точно такого же мнения. Он вызвал у нее чувство недоверия и скрытой тревоги. Вроде бы безобидный, на самом деле он может затаить обиду и решиться на месть годы спустя.

– И самое ужасное, дорогая деточка, что у Почепцова в его, безусловно, роскошном частном архиве находится часть дневника моей бабки, Елены Карловны. Я столько раз просила предоставить мне возможность взглянуть на дневник, сделать с него копию или хотя бы дать прочитать, но он с циничным смехом заявлял, что он не понимает, о чем я говорю. Хотя мне прекрасно известно, что дневник находится у него. Он обнаружил его не так давно в городском архиве. Жаль, что он опередил меня! Он делает это исключительно по причине личной ко мне неприязни. Он же в курсе, с каким рвением я ищу все части дневника бабушки, поэтому и получает колоссальное наслаждение оттого, что препятствует мне. Жуткий тип. Еще раз хвала создателю, что уберет меня от неверного шага в моей далекой юности! Впрочем, лет тридцать назад он был вполне симпатичным и не таким хамоватым. Но времена меняются, и мы меняемся вместе с ними, Юленька...

Крестинина улыбнулась и попросила еще компоту. Олянич сменила тему:

– Понимаю, что наши внутримузейные дразги вас совершенно не интересуют, но вы же видите, как тесно все переплетено. Моя бабка, как вы поняли, вела дневник, достаточно объемный, он занимает несколько тетрадей в колленкоровом переплете. Сейчас я вам покажу! Осторожность никогда не помешает. Почепцов, зная, что я брежу дневником и расследованием тайны «цветочных убийств», загорелся идеей опередить меня и выяснить, кто же был этим кровожадным монстром. Поэтому он пойдет на все, чтобы украсть у меня первую часть дневника Елены Карловны. Как, скажу вам честно, и я сама, чтобы заполнить вторую часть, кото-

рой обладает уважаемый Валерий Афанасьевич. Приходится блюсти полную секретность. Я распространила слух, что храню дневник в сейфе, а на самом деле...

Виктория Карловна похлопала по железному боку большого допотопного сейфа, на котором стоял раскидистый фикус.

– Здесь дневника нет, деточка. Но пусть все, включая Валерия Афанасьевича, именно так и думают.

Директриса подошла к одному из шкафов, распахнула его, отодвинула гипсовый бюст Пржевальского, вытащила несколько книг на самой верхней полке, достала большую папку. Из образовавшегося тайника с дальней полки она вытащила коробку из-под обуви, водрузила ее на стол и сняла крышку. Там, на дне, выложенном ватой, покоилась большая тетрадь в коричневом с красными искорками переплете.

– Вот оно, мое подлинное сокровище, – проговорила восторженным тоном Виктория Карловна. – Первая часть дневника моей бабки. Если хотите, Юленька, можете посмотреть. Вам я доверяю абсолютно.

Крестинина бережно взяла в руки оказавшуюся тяжелой тетрадь, раскрыла ее. Пожелтевшие листы, заполненные витиеватым, разборчивым крупным почерком настоящего ученого. Даты... Дневник Елены Карловны. Юлия ощутила легкое головокружение. Значит, был человек, который пытался раскрыть тайну убийств и поймать жестокого маньяка. Человек, который собственной жизнью поплатился за это!

Она взглянула на портрет Елены Карловны. Ученая смотрела на нее, словно пытаясь сказать: «Ты должна сделать то, что я не смогла. Ты должна, Юлия!»

– Знаете что, Юленька, – произнесла Олянич. – Вы наверняка остановились в гостинице, не так ли?

– Да, – ответила Крестинина, не понимая, к чему клонит Виктория Карловна.

Директриса заявила:

– Я в полном одиночестве живу в чудном особнячке. В комнате для гостей у меня уже давно никто не жил, последний раз мой племянник, который навестил свою тетку лет семь или восемь назад. Поэтому, деточка, рискуя показаться назойливой, я все же предложу вам переселиться ко мне. Абсолютно бесплатно, разумеется!

Юлия в растерянности посмотрела на Викторию Карловну. Она симпатизировала директрисе, но так скоро, познакомившись всего лишь час назад...

– Я понимаю, Юля, что вы думаете, – сказала Олянич. – Но поверьте, это в наших общих интересах. И вы, и я имеем общую цель – расследование убийств. Вы можете спокойно ознакомиться с дневником Елены Карловны. И...

Директрису прервала трель телефонного звонка. Виктория Карловна, извинившись, сняла трубку, произнесла несколько фраз. Закончив разговор, Олянич продолжила:

– Я же сказала, Юля, что в нашем городе совершено убийство, до ужаса похожее на те, жертвой которых стала ваша прабабка и еще четыре девушки. Значит, кто-то решил возобновить череду ужаса и страха. И этот кто-то живет среди нас. Письмо, которое вы получили... Оно пугает меня. Почему-то мне кажется, что некто специально заманил вас в Староникольск, так как вы являетесь частью зловещего и кровавого плана. А если так, деточка, то, пожалуй, лучше всего вам было бы уехать.

– Нет! – с полной решимостью ответила Юлия. – Я не для того приехала в Староникольск, чтобы позорно бежать. Кроме того, я хочу узнать – что же произошло с Анной и с другими жертвами.

– Очень хорошо, – одобрительно заметила Виктория Карловна. – Вы такая же, как и я сама двадцать пять лет назад. Неукротимая идеалистка, слепо верящая в свои силы. Впрочем, я и осталась такой. Знаете, что я подумала...

Виктория Карловна подмигнула портрету Елены Карловны и сказала:

– Мы с вами на пару, как равноправные сыщицы-любительницы, можем попытаться разгадать тайну происходящего. Почему убийства возобновились именно сейчас? Это должно что-то значить. Именно с лилии все и началось, сейчас жертвой стала студентка Олеся, а в 1916 году первой жертвой была дочь известного в Староникольске промышленника Евгения Ирупова, задушенная в день своей свадьбы. На ее теле покоилась белая лилия...

– Виктория Карловна, – с восхищением произнесла Юлия, – вы подали великолепную идею! Но как вы считаете, нам по плечу такая задача?

– Почему бы и нет! – воскликнула Олянич. – Нам требуется соблюдать осторожность. Вы же, вероятно, в курсе, деточка, что убийца в тот год уничтожил помимо девушек мою бабушку и следователя, который был специально командирован из Петрограда, чтобы провести расследование. Этот человек, кто бы он ни был, опасен, как бешеная собака. Точнее, я бы сказала, как гремучая змея, притаившаяся в траве. Вот поэтому-то я и предлагаю вам переселиться ко мне. В моем доме мы будем в безопасности. Старинный особнячок с железными дверями. У нас огромное преимущество перед моей бабушкой – нас в два раза больше. И если убийца доберется до одной из нас, то другая продолжит дело!

Юлия еще раз бросила мимолетный взгляд на портрет Елены Карловны. Еще сегодня утром она не имела представления, с чего же начать, а тут ей предлагается такой удивительный шанс.

– Я согласна, – произнесла она. – Елена Карловна, я перееду к вам сегодня же!

12 августа

– Смотрите внимательно, вот он, молодой американский князь, – сказала Виктория Карловна, указывая на трибуну.

Юлия всмотрелась. Святогорского было легко распознать среди множества людей, открывавших праздник. Высокий, темноволосый, облаченный в безупречный серый костюм, наверняка сшитый на заказ у лучшего дизайнера. Князь Александр Святогорский, наследник многих миллионов, гражданин Соединенных Штатов и щедрый меценат.

– Он так похож на своего деда, молодого Феликса, – продолжила директриса. – Считается самым выгодным женихом. Наши девицы сходят по нему с ума, одна местная фирмочка неплохо заработала на том, что выпустила календари с его изображением. Разошлись за один день! Скажу откровенно, у меня тоже есть пара экземпляров, но мне должность и возраст не позволяют вешать их на стенку в кабинете!

День, несмотря на прорицания Виктории Карловны, выдался таким же солнечным и жарким, как и предыдущий. В городском саду, бывшей территории дворцового комплекса, собралось множество народу. Праздник был в самом разгаре. Нарядно одетые горожане с детьми, лотки с мороженым, сладкой снедью, шашлыками и прохладительными напитками. Бравурная музыка, бесплатные аттракционы.

Все это спонсировал князь Александр. Когда он возник на трибуне, толпа возликовала, послышались аплодисменты, свист и доброжелательное улюлюканье. Словно по команде, взметнулось несколько плакатов с аршинными буквами: «Мы возродим дворец», «Добро пожаловать, Саша!» и «Дворцу быть!».

– Спасибо, – князь подошел к микрофону. – Спасибо, дорогие друзья, я тронут от всей души!

Он говорил с еле уловимым грассирующим акцентом, однако строил фразы безукоризненно.

– Пойдемте, я покажу вам место, где было обнаружено тело Олеси, – прошептала Виктория Карловна, дергая Юлю за локоть. – Или вы хотите послушать красноречие нашего молодого князя? Он же юрист, умеет вешать лапшу на уши. Впрочем, весьма симпатичный юрист, сказала бы я!

Юлия отправилась вслед за Викторией Карловной. Они рассекали людскую толпу, Виктория Карловна вывела ее на аллею. Они подошли к фонарю. При свете дня место выглядело вполне безобидно.

– Насколько я понимаю, все произошло именно здесь, – сказала Олянич, – хотя я могу и ошибаться. Понимаете, у меня есть информаторы в милиции... – директриса усмехнулась.

Крестинина бросила беглый взгляд на аллею, где было обнаружено тело студентки по имени Олеся. Значит, убийца вновь наносит удар. Разумеется, другой человек, который пытается копировать убийства, произошедшие много десятилетий назад. В любом случае тот, кто совершал убийства в 1916 году, давно мертв...

– Ну что же, мы пришли сюда отдохнуть и развеяться, а вовсе не затем, чтобы заниматься расследованием, – сказала директриса. – Юлечка, хотите мороженое? В Староникольске удивительно вкусное мороженое, его готовят по старинным рецептам, не чета американскому из магазина!

Купив по эскимо, они отправились к трибуне. Молодой князь как раз заканчивал речь, в которой выражал серьезную надежду на то, что не пройдет и двух лет, как дворец, парк и каскад фонтанов вновь предстанут во всем великолепии.

– Он истратит на все это кучу денег, – авторитетно заметила Виктория Карловна. – А зачем? Посмотрите, от дворца остался один остов.

Вдалеке виднелось величественное здание бело-зеленой расцветки. Князь Святогорский, поблагодарив слушателей за внимание, уступил место мэру, дородному господину. Тот рассыпался в комплиментах и превозносил князя, как только мог.

– Святогорский купил его с потрохами, – сказала Виктория Карловна. – Деньги, как и во времена вашей прабабки, решают все. Князь нанял дорогую строительную компанию, лучшего архитектора. Впрочем, что я вам рассказываю, пусть это делает наш градоначальник.

Юлия, невнимательно слушавшая речь мэра, полную штампов, присмотрелась. Не может быть! На трибуне, рядом с князем и прочими влиятельными лицами Староникольска, стоял Виталий, ее бывший возлюбленный, который всего две недели назад дал ей отставку. Но что он здесь делает?

– Слово предоставляется нашему уважаемому гостю, от которого теперь зависит очень многое, главе строительно-архитектурной фирмы господину Лаврентьеву Виталию Владимировичу, – сказал мэр.

Виталий, облаченный в легкий светлый костюм с шелковым галстуком – этот галстук Юлия сама выбрала и подарила Виталию, – начал свое выступление.

Заметив ее легкое замешательство, Виктория Карловна поинтересовалась:

– Юленька, что-то не так?

– Я знаю этого человека. К сожалению, – произнесла Крестинина.

В прошедшие дни она старалась не думать о Виталии, и это у нее получилось. Но теперь... Теперь она снова столкнулась с ним. Надо же, до чего изобретательна судьба – они встретились в Староникольске, кто бы мог подумать! Впрочем, она отправилась в городок, чтобы развеяться и заодно, если повезет, раскрыть тайну исчезновения прабабушки, а Виталий находился в городке по долгу службы.

Юлия теперь вспомнила, он как-то упоминал, что у его фирмы появился новый, чрезвычайно выгодный клиент. Виталий только сказал, что это американец, чертовски богатый, который желает строить дворец. Он не любил говорить о работе в свободное время, а Юлия и не настаивала.

Фирма, которую возглавлял Виталий, была одной из самых крупных в столице. Поэтому ничего удивительного в том, что князь Святогорский остановил свой выбор именно на ней. Виталий, надо отдать ему должное, умеет напряженно работать.

– Ну надо же, до чего тесен мир, – промолвила Виктория Карловна. – Давайте я покажу вам дворец, вернее, что от него осталось. В музее имеются чудные фотографии конца девятнадцатого века, на них изображено семейное гнездо рода Святогорских. К великому сожалению, в советские времена дворец не рассматривали как музей, а использовали как склад. Мой отец и я сама пытались протестовать, но это едва не стоило Карлу Степановичу, моему папе, места директора музея. По чьему-то непонятному мнению дворец не представлял собой памятник архитектуры, нуждающийся в защите государства, поэтому...

Она горестно вздохнула, Юлия снова отправилась вслед за Олянич. Директриса, облаченная в жаркий день в легкое светло-желтое платье, выглядела потрясающе молодо и соблазнительно. Юлия заметила – со стороны они походят на мать и дочь. Она закусила губу. На самом деле они пытаются изображать из себя расследователей, таких староникольских мисс Марпл.

Доступ к дворцу был открыт. Огромное трехэтажное здание с облупившимся фасадом, гигантской мраморной лестницей грязновато-серого цвета, окнами, среди которых почти ни единого целого.

– Построен в стиле раннего классицизма, – вещала Виктория Карловна. – Я считаю, город должен быть благодарен князю за то, что он тратит неподъемные для нас суммы на восстановление дворцового комплекса. Мне удалось бросить беглый взгляд на предполагаемый проект реставрации. Прадед нашего молодого князя, старый Феликс, мог быть доволен – дворец

возродится в былой красе, а парк и комплекс фонтанов станут еще более величественными. Однако все это обойдется князю в копейчку. Говорят, что никак не меньше пятнадцати миллионов долларов. Однако он богат, этот молодой человек...

Юлия взглянула на Александра Святогорского, который со скучающей миной пребывал на трибуне, слушая выступление пышнотелой дамы в красной шляпе. Его прадед был любовником ее прабабки. И, как уверены очень многие, ее убийцей. Так ли это? Юлия отдала бы очень многое, чтобы узнать это.

– Дорогие друзья, слово вновь предоставляется нашему гостю, его светлости князю Александру Феликсовичу. – Мэр кашлянул в микрофон. – Прошу вас, князь!

Святогорский сказал:

– Дамы и господа! Вы же знаете, я ждал этого момента с самого детства. Я чрезвычайно благодарен местным властям, в особенности господину мэру, Петру Георгиевичу, за колоссальную поддержку...

– И знаете, в чем выражалась поддержка? В том, что наш городничий подмахнул все бумаги, которые положил перед ним князь. Святогорские, когда им это выгодно, обладают железным терпением и несгибаемой волей, – вещала Виктория Карловна. – Мэр наш взяточник, это же написано на его лице, а князь беззастенчиво этим пользовался. Однако, я считаю, восстановление дворца за счет Святогорского пойдет городу только на пользу. Возможно, это даже привлечет туристов. Ах...

Олянич тяжело вздохнула, Юлия улыбнулась. Она уже давно заметила, что Виктория Карловна обожала свой городок. Староникольск произвел на Юлию отрадное впечатление. Однако жить в нем она бы не хотела. Кроме того, в этом милом местечке притаилось зло...

– Поэтому, мои дорогие друзья, сегодня мы начнем работу по восстановлению дворца, – продолжал Святогорский. – Вы наверняка заметили технику – экскаваторы, бульдозеры, которые принадлежат фирме господина Лаврентьева. Мы не будем откладывать на завтра то, что можно сделать уже сегодня. Ведь так?

– Построим дворец, возродим парк! – послышались крики из толпы.

Князь улыбнулся. Юлия про себя отметила, что молодой Святогорский чрезвычайно привлекателен. Однако в то же время он производит впечатление несколько надменного и упрямого типа. Еще бы, у него есть практически все, о чем только можно мечтать. На какое-то мгновение они встретились глазами. Юлия отвела взгляд. Конечно же, князь ее не заметил, она – одна из сотен людей, заполнивших в этот чудесный выходной день городской парк.

– Ну что же, – продолжил Александр Святогорский. – Я отдаю символическую команду!

Он поднял руку и опустил ее. Толпа затихла. В отдалении раздалось гудение. Заработал первый экскаватор. Послышались одобрительные крики.

– В честь такого знаменательного события его светлость предоставляет возможность пить пиво бесплатно – причем в любых количествах, – добавил мэр. – На территории парка установлены павильоны, где каждый желающий может получить великолепный прохладительный напиток.

Фраза потонула в диких воплях. Виктория Карловна ухватила Юлию за руку.

– Ну, начинается! Горожане уже привыкли к тому, что каждый праздник, который и так по большей части оплачивается из кармана Святогорского, князь устраивает подобную бесплатную акцию. В последний раз был мартини, сегодня пиво... Он, безусловно, умен, этот молодой князь. Он завоевывает симпатии народа. Ему так хочется построить дворец и сделать его собственной летней резиденцией. И чтобы все забыли о причастности его деда к убийствам.

Основная масса народа ринулась к одному из пивных павильонов. Мэр объявил, что через пятнадцать минут около здания дворца, на территории бывшей оранжереи, состоится символическая закладка первого камня.

– На это стоит взглянуть, – сказала Виктория Карловна. – Юленька, вы не утомились, а то у вас такой бледный вид?

Крестинина сама не знала, что с ней такое. Внезапная усталость навалилась на нее. День был жарким, они провели в парке уже около двух часов. И еще возник Виталий, о котором она думала, что никогда больше не увидит его. Хорошо, что он не заметил ее...

– Юля, – вдруг услышала она его голос.

Крестинина моментально обернулась. Так и есть, Виталий собственной персоной стоял перед ней. Его лицо выражало удивление и озабоченность.

– Ты что здесь делаешь? – спросил он. – Ты что, преследуешь меня? Я же считал, что мы с тобой обо всем поговорили...

Юлия едва не поперхнулась мороженым. Надо же, Лаврентьев подозревает ее в том, что она преследует его, нет, вы только подумаете!

Виктория Карловна встряла в их разговор:

– Вы что-то хотите от моей племянницы, молодой человек?

Виталий удивленно посмотрел на директрису и проговорил миролюбивым тоном:

– Я и не знал, что у тебя есть тетка в Староникольске. Значит, это совпадение...

– Юленька, нам пора, сейчас состоится закладка камня, это у южного крыла, там когда-то располагались княжеские оранжереи. Нам необходимо поторопиться, а то не останется свободных мест!

– Я сейчас, – сказала Виктории Карловне Юля.

Обернувшись к Виталию, она произнесла:

– Ты абсолютно прав, между нами уже не может быть ничего общего. Ведь так? Как я вижу, твоей фирме повезло с новым клиентом. Князь Святогорский миллионер, не так ли?.. Мои поздравления.

– Юля, – донесся до нее голос бывшего друга, однако Крестинина решительным шагом удалилась прочь. Виктория Карловна с любопытством взглянула на нее.

– Приношу свои извинения за назойливость, Юленька, но, как я понимаю, это ваш эксприятель. Надо же, как тесен мир. Кто бы мог подумать, что именно его фирме князь поручит восстановление дворца. Однако нам пора. У вас будет возможность увидеть вблизи молодого Александра.

Виктория Карловна, лавируя среди празднующей публики, повела Юлию к южному крылу. Там, на зеленом газоне, раскинулся огромный белый тент, под которым стояли стулья, практически все заняты. Олянич подошла к первому ряду, где были зарезервированы два места.

– Все же хорошо принадлежать к элите города, – сказала она. – Что же, Юля, ждать осталось совсем недолго...

Во втором ряду Юлия заметила облаченного в белый костюм со смешным галстук-бабочкой Валерия Афанасьевича Почепцова. Историк, вытянув шею, делал вид, что не замечает Виктории Карловны и ее спутницы. Олянич, усмехнувшись, намеренно громко поздоровалась с ним. Почепцов не ответил.

– Хам, – коротко произнесла Виктория Карловна. – Каким был, таким и остался. Поэтому-то я с ним и рассталась, деточка.

Прямо напротив них располагался котлован, около которого замер экскаватор. Через несколько минут заиграл оркестр, появился мэр вместе с супругой, молодой князь и Виталий. Лаврентьев, заметив Юлю в первом ряду, сжал губы и намеренно направил взгляд в небо.

– Дорогие друзья! – провозгласил градоначальник. – Вот и настал торжественный момент, ради которого мы, собственно, и собрались. Мы закладываем сегодня фундамент нового дворца, точнее, фундамент нашего нового совместного будущего. Будем надеяться, что,

возродив семейное гнездо князей Святогорских, мы одновременно возродим и былое величие нашего города!

– О чем это уважаемый Петр Георгиевич, – фыркнула Виктория Карловна, достав небольшой веер. – Он почему-то думает, что великолепно разбирается в истории, а на самом деле полный профан в этом. Староникольск никогда не был значительным городом, мы должны это признать.

На трибуне Юлия заметила странного молодого человека – неуклюжего, полного, одетого не по погоде тепло. На его лице красовалась постоянная непонятная улыбка, он вел себя странно.

– Отпрыск Петра Георгиевича, его крест и гордость одновременно. Сын Стасик. К сожалению, мэру не повезло, молодой человек страдает то ли аутизмом, то ли еще чем-то. Впрочем, совершенно безобидный и чрезвычайно ласковый. И одаренный, как я могу судить. Увлекается коллекционированием жуков и бабочек. У него коллекция лучше, чем у меня в музее.

Стасик что-то произнес, его громкий голос заглушил речь отца. Мэр, нервно обернувшись, посмотрел на свою супругу, элегантную даму лет сорока пяти, в шикарном брючном костюме, с массой драгоценностей. Та взяла сына за руку, что-то прошептала ему на ухо. Молодой человек радостно закивал головой и, неуклюже переваливаясь, отправился прочь.

– У мэра есть еще дочь, которая учится в Москве. Однако ходят нехорошие слухи, что наш градоначальник собирается послать ее в Америку: якобы в благодарность за предоставленное право возродить дворец Святогорский оплачивает его дочери место в самом престижном университете США.

Виктория Карловна, как поняла Юлия, была неистощимым источником информации и местных сплетен. Но это только на руку, если они собираются заняться расследованием, то это должно им помочь. – Итак... – восторженным тоном произнес мэр.

Он протянул символические золоченые ножницы князю, тот перерезал красную ленточку, которая закрывала проход к котловану. Затем Святогорский на глазах у публики заложил первый кирпич. Защелкали фотовспышки, Виктория Карловна сказала:

– Наверняка изображения князя появятся в завтрашних местных газетах. Хотя смотрите, тут есть даже корреспонденты с центрального телевидения.

Загудел экскаватор. Его ковш прогрыз землю. Работа началась.

– Святогорский настоял на том, чтобы работа велась практически без выходов, – сказала Олянич. – Он оплачивает все в долларах, это моментально меняет расклад, вы не находите, Юленька?

Подали шампанское. Крестинина отказалась. Голова продолжала ныть, ей захотелось покинуть праздник. Что же, вот она и познакомилась с местным бомондом. Князь произвел на нее положительное впечатление. Но в то же время....

В то же время Юлия никак не могла избавиться от ощущения, что его прадед лишил жизни ее прабабку. Но было ли так на самом деле? Она не знала.

Виктория Карловна, как констатировала Юлия, увлеклась беседой с супругой мэра, Крестинина не знала, что же ей делать. Она стала листать проспекты, раскиданные по всему парку. На развороте был изображен дворец, каким он станет через два года.

– Добрый день, – услышала она приятный баритон.

Подняв глаза, Юлия увидела перед собой молодого князя. Он держал в руке два бокала с шампанским.

– Вы не сочтете бестактностью, если я предложу вам выпить за успех сегодняшнего мероприятия? – сказал Александр Святогорский. – Прошу прощения, что с такой назойливостью атакую вас, однако я вас помню... Вы были около трибуны, и когда я заметил вас здесь, то понял, что не имею права упускать такую возможность. Разрешите представиться, Александр Святогорский.

– Юлия Крестинина, – только и оставалось произнести ей. Она взяла любезно протянутый молодым князем бокал.

– Вы удивительно похожи на одну даму, знать которую я, увы, не мог, но которая сыграла роковую роль в истории нашего рода, – продолжил князь. – Имя Анны Радзивилл вам ни о чем не говорит?

Надо же, он тоже заметил ее поразительное сходство с Анной, подумала Юлия. Вот почему он и решил с ней познакомиться. А она-то уже подумала бог знает что.

– Анна Радзивилл – моя прабабка, – сказала Юлия.

Темно-серые глаза князя сузились, лицо сковала странная гримаса. Одновременно с этим послышался звон бьющегося стекла. Юлия обернулась.

Всего в нескольких метрах, притаившись, как паук, замер Валерий Афанасьевич Почепцов. Судя по всему, он попросту подслушивал разговор Юлии и князя. Его бокал с шампанским лежал на траве.

– Прошу прощения, – пробормотал историк. – Я не хотел, прошу прощения...

– Ничего страшного, – князь снова стал самой любезностью. Гримаса, исказившая его лицо, исчезла. Он шелкнул пальцами, и перед Почепцовым возник вышколенный официант с серебряным подносом, на котором стояли бокалы с шампанским. Валерию Афанасьевичу не оставалось ничего другого, как взять бокал и ретироваться.

– Значит, Анна Радзивилл ваша прабабка. Но вы не живете в Староникольске, иначе я бы давно познакомился с вами, – продолжил князь.

– Вы правы, ваша светлость, – с усмешкой произнесла Крестинина. – Я живу в Москве, там же и работаю.

– Прошу, не называйте меня так, – сказал князь. – Этот титул я употребляю крайне редко и исключительно в официальных случаях. Для вас, если вы позволите, я Александр.

Виктория Карловна возникла откуда-то сбоку:

– Ах, вы уже познакомились! А я как раз собиралась представить вас друг другу. Князь, праздник просто чудесен. Я надеюсь, что дворец вскоре возродится к жизни.

– Я тоже очень на это надеюсь, – сказал князь.

Директриса переняла инициативу и повела разговор сама. Юлия, пригубив шампанское, вновь ощутила головную боль. Она больше не может оставаться здесь. Вчера вечером она переехала в особнячок к Виктории Карловне. Олянич предоставила ей чудную комнату с видом на речку. Юлия осталась довольна. Виктория Карловна – особа, может быть, немного взбалмошная и назойливая, однако с добрым сердцем.

Рядом с собой Юлия заметила Виталия Лаврентьева. Ее бывший друг явно хотел с ней переговорить, но она не желала этого. Они уже сказали друг другу все, что должны были. Поэтому, превозмогая головную боль, Юлия кивала головой и поддакивала Виктории Карловне.

– Реставрировать семейное гнездо в Староникольске всегда было моей мечтой, с самого детства, – сказал князь Святогорский. – И я обещаю вам, Виктория Карловна, и вам, Юлия, что я во что бы то ни стало добьюсь намеченного.

– Я и не сомневаюсь, – ответила директриса. – Александр, вы просто чудо, наш город потерял бы очень многое, если бы...

Ее фразу прервал взволнованный голос, который раздался из котлована:

– Боже мой, этого не может быть!

Взоры всех собравшихся, элиты Староникольска, представители которой были допущены под тент, устремились на человека, который нарушил атмосферу приятного общения. Виталий ринулся к рабочему, выкарабкивающемуся из котлована. Мэр закрутил головой и также кинулся вслед за Лаврентьевым.

– Наверное, наткнулись на ржавую арматуру и канализационную трубу, – сказала Виктория Карловна. – Земля в Староникольске нашпигована всякой дрянью, прошу прощения за такое выражение.

– Юля, а что привело вас в Староникольск? – спросил князь.

Она взглянула в его пронзительно-серые глаза. Это явно не праздный вопрос. Князь ею заинтересовался. Крестинина не успела ответить, потому что к Святогорскому подбежал взволнованный Лаврентьев и, даже не извинившись, прошептал тому что-то на ухо.

Князь изменился в лице, помрачнел и сказал:

– Прошу прощения, непредвиденные осложнения.

Затем он поспешно отправился за Виталием. Виктория Карловна с недоумением уставилась им вслед.

– Что же такое произошло, князь явно взволнован, я никогда не видела его таким.

Всеобщее внимание было приковано к происходящему. Никто не понимал, в чем же дело. Несколько рабочих суетились на дне котлована, мэр вытирал красную шею клетчатый платком. Его супруга сжимала руку своего странного сына, который, безмятежно улыбаясь, ковырялся в носу. Почепцов на цыпочках приблизился к котловану и попытался заглянуть вниз.

– Сейчас нас попросят удалиться, – с сожалением сказала Виктория Карловна. – Как выяснится, перерезали телефонный кабель или задели канализационный сток.

Появился князь. Его элегантный серый костюм был испачкан глиной, волосы растрепались.

– Виктория Карловна, – произнес он. – Прошу вас, вы должны следовать за мной.

Ничего не понимая, женщина направилась за Святогорским. Юлия осталась в одиночестве. Что же происходит?

Виталий, также вылезший из котлована, обратился ко всем присутствующим:

– Дамы и господа, мы наткнулись на электрический кабель. В целях вашей же безопасности мы просим вас покинуть строительную площадку. На северной террасе будет сервировано шампанское и фрукты, специально для вас. Прошу всех направиться туда!

Юлия не знала, что же ей делать. Виктория Карловна исчезла в котловане. К Крестининой подошел Виталий и сказал:

– Юля, тебе тоже лучше удалиться, поверь мне, так надо.

– Что происходит? – спросила она, однако бывший друг ей ничего не ответил. Виталий выглядел озабоченным. Юлия уселась на стул с твердым намерением дожидаться Викторию Карловну. Никто не заставит ее покинуть это место.

Гости разошлись, вдалеке играла музыка, слышались веселые крики, хохот, детский плач. Праздник продолжался. Юлия поставила бокал на соседний стул. Она заметила Почепцова, который затаился неподалеку. Историк явно не собирался выполнять требование Виталия. Валерий Афанасьевич судорожно крутил бокал в руке. Юлия подумала, что он сейчас разобьет еще один. Почему он так взволнован?

Виктория Карловна подошла к Юлии и, склонившись, произнесла тихим голосом, чтобы Почепцов ничего не мог слышать:

– Деточка, я прошу вас, требуется ваше присутствие.

– Что такое, Виктория Карловна? – спросила Юлия. – Я ничего не понимаю.

Олянич слабо улыбнулась:

– Они обнаружили... Страшная находка, Юленька. Вы должны крепиться. Это вовсе не кабель...

Ничего не понимая, Юлия подошла к краю котлована. Князь подал ей руку, она спрыгнула на глинистое дно. Рабочие столпились около ковша экскаватора, который наполовину ушел в землю.

– Подойдите ближе, Юля, – сказал князь.

Крестинина повинувалась. Толпа расступилась, пропуская ее вперед.

В земле она заметила скелет. Не может быть! Человеческие останки – истлевшая одежда, пожелтевшие кости.

– Вот что вытащил на свет божий ковш экскаватора, – сказал мэр. – Черт возьми, кто-нибудь может дать мне сотовый, я должен связаться с милицией.

Виктория Карловна, не боясь запачкать желтое платье, опустилась на колени перед страшной находкой.

– Юлия, – произнесла она мрачным тоном. – Я не могу ничего утверждать, но посмотрите...

Крестинина склонилась над скелетом. Он, как она теперь поняла, был облачен в белое когда-то платье. Череп был заполнен землей, однако не оставалось ни малейшего сомнения – это женский скелет. Волосы, длинные черные волосы, прекрасно сохранились.

На платье, в которое был облачен скелет, была приколата брошь. И еще что-то. Юлия присмотрелась. Ей внезапно стало дурно. Она почувствовала, что может потерять сознание. Брошь в виде дельфина с сапфировыми глазками. Боже, такую же брошь, только с глазами-рубинами, она получила в подарок от бабушки. Бабушка говорила, что парное украшение было у Анны Радзивилл в день, когда дива немого кино бесследно исчезла в Староникольске.

Платиновый дельфинчик с сапфировыми глазками. И эта брошь украшает платье мертвой женщины, обнаруженной в парке княжеского дворца. И та же брошь блестит на платье, в котором запечатлена Анна Радзивилл на своей последней фотографии до ее исчезновения.

– Посмотрите, – сдавленным голосом произнес Александр Святогорский. – Брошью к платью приколот цветок, ведь так?

– Роза, это наверняка роза, – выдохнула Виктория Карловна.

Юлия присмотрелась. Олянич права. Засохшая, гроззящая рассыпаться в прах роза украшала грудь скелета. «Цветочный убийца»!

– Никто не должен прикасаться к скелету, я известил полковника Кичапова, он в парке, вместе с семьей, через пару минут будет здесь, – сказал мэр.

Никто и не думал прикасаться к скелету. Юлия, как замороженная, смотрела на пожелтевшие кости, облаченные в лохмотья, бывшие когда-то чудесным белым платьем. Она не сомневалась – перед ней находился скелет ее прабабки, Анны Радзивилл, пропавшей 24 сентября 1916 года в Староникольске. Автор анонимного послания был прав – Анна мертва.

– Взгляните, – один из рабочих указал на шею скелета. Его туго обвивал полуистлевший шарф грязно-синей расцветки, на котором можно было распознать вышивку с изображением пурпурной розы.

– Юленька, крепитесь, – Виктория Карловна посмотрела на Крестинину. – Мне хочется ошибиться, но я уверена – это ваша прабабка Анна.

– Значит, она тоже стала жертвой «цветочного убийцы», – сказал мэр. – Боже мой!

Яркое августовское солнце отражалось в крошечных сапфирах броши-дельфина. Крестинина ощутила страх. Она буквально чувствовала мысли, которые прыгали в голове у всех собравшихся – Анну Радзивилл убил князь Феликс Святогорский. Задушил шарфом, который до сих пор был обмотан вокруг шеи жертвы. И вот, спустя почти девяносто лет, она стоит около останков своей прабабки, а рядом с ней – внук ее возможного убийцы.

– Боже мой! – повторила вслед за мэром Виктория Карловна.

Юлия ощутила нарастающую слабость, свет померк перед ее глазами. Она потеряла сознание, и если бы не молодой князь Святогорский, который подхватил ее, то Юлия упала бы прямо на тленные останки своей прабабки, Анны Радзивилл.

Когда сознание вернулось к Юлии, то находилась она уже не в парке княжеского дворца, а в удобной кровати, на втором этаже особнячка Виктории Карловны. Заметив, что Крестинина очнулась, директриса положила ей на лоб прохладную руку:

– Юлечка, вы всех нас испугали! Однако как я вас понимаю, с моей стороны было ужасно глупо звать вас в котлован, чтобы... чтобы вы взглянули на скелет. Но как только князь показал мне его, меня как молнией пронзило – это ваша прабабка Анна.

Юлия попыталась привстать, однако Виктория Карловна заявила безапелляционным тоном:

– Вы должны оставаться в постели! И учтите, деточка, князь хотел везти вас в больницу, но я настояла на том, чтобы мы направились ко мне домой.

– Спасибо, – пробормотала Юлия.

– Вот, выпейте, это придаст силы, – Виктория Карловна поставила перед Юлией поднос, на котором дымилась чашка ароматного чая. – Я приготовила вам куриный бульон и рогалики. Вы же не завтракали, деточка, потом эта гнетущая жара, скелет... Как же я вас понимаю!

Юлия с жадностью набросилась на еду, она чувствовала зверский голод. День клонился к завершению. Было еще светло, солнце ярко било в окна особняка, однако длинные тени легли на все предметы.

– Виктория Карловна, – произнесла Юлия. – Вы считаете, что это останки моей прабабки?

Директриса, не задумываясь, ответила:

– Да, я в этом уверена! Вы же видели брошь в виде дельфина у нее на груди, на последней фотографии Анны Радзивилл ее платье украшает эта же брошь.

– Убийца приколол брошью розу, – слабым голосом произнесла Юлия. – Это так страшно!

– Вы правы, – ответила Виктория Карловна. – Практически сразу после того, как вы потеряли сознание, деточка, понаехала милиция. Прибыл полковник Кичапов, большой друг нашего разлюбезного Петра Георгиевича, приказал всем посторонним покинуть место преступления, как он выразился. Хотя если преступление и произошло на том же самом месте, где был найден скелет, то почти девяносто лет назад. Но полковник не отличается сообразительностью, так сказать, положение к этому обязывает...

– Что произошло с... с моей прабабкой? Я имею в виду ее скелет, – спросила Юлия. Перед ее глазами вновь появилась ужасная картина – желтые кости, истлевшее платье и сверкающая сапфирами брошка.

– Насколько я поняла, сначала будут тщательно исследовать котлован, а потом тело Анны заберут для проведения экспертизы. Никто еще не говорит, что это тело вашей прабабки, Юленька, но никто и не сомневается, что это так!

– Значит, автор анонимного письма был прав, мою прабабку убили. Задушили, – сказала Юлия. По ее телу пробежали мурашки страха. Итак, события начали развиваться намного стремительнее, чем она предполагала.

– Я вам говорила, деточка, – добавила Виктория Карловна, пододвигая к Юлии вторую чашку с горячим куриным бульоном. – Я и не сомневалась, что Анна стала жертвой «цветочного убийцы». Как вы знаете, тела трех жертв были найдены, еще два до последнего времени – нет. И вот сегодня был обнаружен скелет Анны.

Виктория Карловна в возбуждении шагала по спальне, размышляя вслух:

– Моя бабка, Елена Карловна, в своих дневниках подробно описывает каждую мелочь. Наверняка в последней части ее записей есть заметки, посвященные тому, как исчезла Анна Радзивилл. Вы же знаете, деточка, все началось с дочери промышленника Евгении Ируповой и закончилось исчезновением вашей прабабки Анны. Но где третья часть дневника? Я не имею ни малейшего представления об этом! Вторая, как я вам говорила, наверняка находится

у Почепцова. И этот червяк ни за что не отдаст мне ее. Он вообразил, что сможет расследовать серию «цветочных убийств» и единолично снискать лавры Шерлока Холмса. Но мы же ему не позволим?

– Нет, не позволим, – согласно кивнула Юлия.

Виктория Карловна вышла из спальни и вернулась через несколько минут, держа в руках первую часть дневника Елены Карловны.

– Юлечка, настала пора, чтобы вы ознакомились с записями моей бабушки. Все равно сегодня вы не в состоянии куда-либо выходить, поэтому, прошу вас, почитайте.

Раздался телефонный звонок. Виктория Карловна вышла. Юлия взяла тетрадь, раскрыла ее. Что же, директриса права. Дневниковые записи Елены Карловны Олянич – единственная возможность ознакомиться с ходом расследования убийств, которые происходили в Староникольске в 1916 году. А если учитывать тот факт, что Елена Карловна и сама стала жертвой таинственного монстра, то все это принимает чрезвычайно интригующий поворот.

Юлия была уверена – чтобы поймать убийцу, на совести которого студентка Олеся, необходимо докопаться до подоплеки тех, старых убийств. Но реально ли найти убийцу спустя девяносто лет? Она не знала ответа.

Дневники Елены Карловны, в любом случае, полны интересного материала. Она вчиталась в первые строчки.

«Сего, 7 октября года 1916 Anno Domini, я приступаю к записям, которые, возможно, смогут пролить свет на череду странных и зловещих событий, вовлеченным в паутину которых оказался столь милый моему сердцу городок наш, Староникольск...»

Несколько витиеватый стиль, но что поделаешь! Зато почерк у Елены Карловны Олянич понятный, не потребуются напрягать зрение, чтобы разобрать записи.

– О, Юленька, я вижу, вы уже начали знакомиться с литературным наследием моей бабки Елены? – сказала, возвратившись в спальню, Виктория Карловна. – Звонил князь Святогорский. Справлялся о вашем самочувствии и выразил желание посетить вас, однако я взяла на себя смелость отказать ему. Или я была не права?

– Нет, совершенно правы, – ответила Крестинина. – Сегодня я никого не хочу видеть.

Их беседу снова прервала трель звонка, на этот раз у входной двери. Доставили шикарную корзину белых роз.

– Я думаю, это мог послать только один человек, – сказала Виктория Карловна, подавая Юлии небольшой розовый конверт, перевязанный золотистой ленточкой. – Молодой князь. Я же заметила, какое впечатление вы произвели на него, деточка.

Юлия развернула конверт. Виктория Карловна оказалась совершенно права – цветы и записка от Александра Святогорского. Пожелания скорейшего выздоровления и надежда на то, что они смогут увидеться в ближайшее время.

– Князь очаровательный молодой человек, – мечтательным тоном проговорила Виктория Карловна. – Но, деточка, прошу вас, будьте с ним начеку. Вашей прабабке не повезло, вы сами знаете, чем закончился ее роман с Феликсом-младшим. Да и выбор цветов... Розы, князь мог бы остановить свой выбор и на чем-то другом.

– Да у меня и в мыслях нет ничего подобного! – воскликнула Юлия, густо покраснев. – Виктория Карловна, если вы не возражаете, я посвящу сегодняшней вечер и часть ночи чтению дневника вашей бабки.

– Ну да, это поможет вам окунуться в атмосферу Староникольска летом 1916 года. И, думаю, нам это необходимо. Я заварю вам еще чаю, Юленька?

Виктория Карловна вышла на кухню, Крестинина снова раскрыла тетрадь. И так, обратного пути нет. Все началось с анонимного письма. А чем закончится? Она не имела ни малейшего представления.

Юлия начала читать дневниковые записи Елены Карловны Олянич. Это выведет их на след убийцы.

– Удивительная находка, – в который раз проговорил патологоанатом, осторожно поворачивая череп только что доставленного в морг скелета. – На вид останкам никак не меньше семидесяти – восьмидесяти лет.

– Вполне вероятно, что речь идет об Анне Радзивилл, – сказал полковник Кичапов.

Патологоанатом поцокал языком и ответил:

– Ну, это я сказать не могу, но если это так... Она исчезла в 1916 году, как раз в самый разгар этой эпопеи с убийствами? Значит, ее тело провело в земле восемьдесят семь лет.

– Что вы можете сказать? – спросил присутствовавший тут же мэр Староникольска Петр Георгиевич Белякин. – Можете ли сообщить нам причину смерти?

– Для этого потребуется по крайней мере один день, но на беглый взгляд... – Патологоанатом замолчал и снова углубился в изучение женских останков.

Прошло около десяти минут, и врач продолжил прерванную фразу:

– На первый взгляд, как мне кажется, эта дама, возраст которой от двадцати семи до тридцати пяти лет, стала жертвой удушения. И этот чудесный шарфик, который я удалил с ее шеи, мог вполне быть орудием убийства. Кто-то затянул его, скорее всего, сзади, что привело к практически моментальной потере сознания и быстрой смерти. И этот кто-то обладал достаточной силой, чтобы сломать шейные позвонки.

– Вот жуть-то, – сказал, содрогнувшись, полковник Кичапов.

За время своей карьеры в милиции он видел достаточное количество трупов, чтобы стать невосприимчивым к ликам смерти, однако скелет произвел на него гнетущее впечатление. Еще мальчишкой, в местном краеведческом музее, он видел фотографию прелестной молодой дивы, Анны Радзивилл, в белом платье, огромной шляпе и с зонтиком от солнца. И вот, вероятнее всего, теперь он видит останки Анны, найденные в парке княжеского дворца.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.